

5 Септ

КИНОДЕТЕКТИВЫ

ей

Мастер
Коб

12+

Сергей Глазков
Кинодетективы 5

«Автор»

2020

Глазков С. А.

Киодетективы 5 / С. А. Глазков — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-06682-3

В пятом выпуске кинодетективов Сергея Глазкова опубликованы сценарии фильма «Целитель» и детского сериала «Баба Яга против Агента 00». А так же пьеса для эстрадного музыкального театра «О чём не говорят женщины».

ISBN 978-5-532-06682-3

© Глазков С. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

БАБА ЯГА ПРОТИВ АГЕНТА 00	5
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Глазков

Кинодетективы 5

БАБА ЯГА ПРОТИВ АГЕНТА 00

*В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик...
– Соловьёв! С вещами на выход! – гулко, как выстрел, прозвучало в длинном пустом коридоре.*

Залязгали, заскрежетали замки и засовы.

Часть первая

1

Магадан. ИТК-13

Неприятно застонали двери, выпустив на яркий, залитый холодным зимним солнцем свободный пятачок, хрупкого трясущегося старикашку, опирающегося на деревянную палку, приспособленную под костыль.

Старикашка поворотил вокруг себя головой, шевеля губами, медленно по слогам прочел вывеску, оставшуюся за его спиной: «Магаданское управление МВД Рошшии, Ишправительная колония номер тринадцать».

– В следующий раз, Соловьёв, постарайся к нам не залетать, – услышал он напоследок из-за закрывающейся со стоном двери, – Восьмой десяток на исходе, а туда же: в разбойники! Пора за ум браться! А то, не ровен час, к господу Богу призовут, так, кроме нар и вспомнить ничего не сможешь!

– Вот зубы вштавлю, шинок, и вожмушь жа него. Жа ум жначит. Шлово даю. Шешное пионершкое! Вы обо мне вше тогда ушльшите, жа шотню вёрст отшюда, – ответил трясущийся от немощи старикашка. Поклонился закрытой двери в пояс по-старинке и неуверенной шаркающей походкой, скользя по расчищенной от снега дорожке, поплёлся прочь.

Палка-костыль была меньше необходимого, поэтому ему приходилось передвигаться ещё и согнувшись в три погибели. Отойдя метров этак тридцать от дверей, старикашка вдруг разогнулся, выровнялся, отбросил в сторону палку, лихо раскрутил над головой худую котомку, которую до этого любовно прижимал к груди, и зашвырнул подальше в кусты. Потянулся помолодецки.

– Эх, хорошо, ети его мать! Крашота неописуемая! Живи и радуйся.

Размял беззубый рот, вставил в него кривые пальцы и попытался свистнуть. Вместо свиста получилось тихое булькающее шипение. Он в сердцах плюнул и бодро зашагал по дорожке.

2

Примораживало. Он ускорил ход и теперь шёл всё быстрее и быстрее. У посёлка его нагнала машина. Серенький неприметный «Жигулёнок». Они ещё немного посоревновались: кто кого обгонит? Дед или машина на скользкой ледяной дорожке?

– Соловьёв? – высунулся из открытого окошка водила, когда ему надоели гонки, – дородный дедина, похожий на одного молодца из ларца в известной сказке.

– Шоловьёв, – остановился старикашка, – а тебе какое дело?

– Тебе просили передать: «Пора!»

На что старикашка засиял, хлопнул в ладоши и подскочил к машине:

– Ну, тогда вперёд, шоколик!

Он с подскоком и притопом оббежал машину вокруг, открыл дверцу и уместился рядышком с шофером.

– Шего штоим, шлуживый? Трогай! Наш ждут великие шобытия!

Со стариком разобрались! Начнём сначала. В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой...

3

Великий Новгород. Школа №32

– Акулина Ивановна! Акулина Ивановна, – во всё горло орала девочка, пробегая по длинному школьному коридору, – вас Мариванна к себе вызывает!

Акулина Ивановна прекратила мыть полы и, повернувшись навстречу мчащейся посыльной, облокотилась на швабру:

– Что случилось, Катенька? Чего ты заливаешься, словно звоночек? Так громко, что все подумают, будто урок закончился.

– Так Мариванна сказала: «Быстро!», – нахмурилась девочка и уткнулась взглядом в носки своих зимних меховых ботиночек.

– «Быстро», но не «громко», – поучительно сказала Акулина Ивановна, – Что случилось? Наводнение? Землетрясение?

– Нет, Акулина Ивановна, – снова заорала девочка, – вам телеграмма. Срочная. Из самого Санкт-Петербурга – сказала Мариванна.

– Странно, почему сюда? Почему не домой? Да и от кого это? У меня никого в Петербурге знакомых нет. А, может, это от... – задумалась Акулина Ивановна и тяжело вздохнула, а уже девочке сказала, – спасибо, Катюша, я сейчас приду.

Она, не спеша, собрала все свои подручные инструменты: тряпку, ведро и швабру, прошла к своей кладовке, аккуратно поставила всё внутрь, закрыла дверь, замкнув на замок, и только после того, как определила в карман ключик от замка, направилась к директору школы.

4

Кабинет последней находился на первом этаже, поэтому далеко идти не пришлось: сначала по одному коридору, потом – по второму.

– Разрешите, Мария Ивановна? – Заглянула она в кабинет.

– Входите, – сразу же замахала директриса руками. – Акулина Ивановна, тут вам срочную телеграмму принесли. Я попыталась узнать: почему в школу, а не домой? Почему в приёмную, а не лично вам? Может, что-то неприятное в ней, а я не хочу, чтобы мои работники душевно травмировались на рабочем месте, да ещё в присутствии детей. Это может огорчить весь наш большой дружный коллектив. Но посыльный – очень странный человек, как я успела заметить, – меня успокоил. Сказал, что вы скорее обрадуетесь, чем огорчитесь. Я, конечно, прошу у вас прощения, но я не поверила ему и прочла, что написано в телеграмме. Доверяй, но проверяй. Да! Мне очень неудобно, но другого выхода у меня не было. Извините, – и она протянула бумажку, – может, я ничего не понимаю в этой жизни, но текст телеграммы очень странный, я бы даже сказала: подозрительный, Акулина Ивановна.

Она замолчала и уставилась на уборщицу, стараясь хотя бы по реакции той понять смысл депеши.

Акулина Ивановна развернула листочек и прочла: «Пора!». Листочек выпал из её рук и, покружившись в воздухе, сделав пару пируэтов, приземлился к ногам директрисы. Акулина Ивановна помрачнела и присела на стул, стоящий рядом со столом.

– Я так и знала, что эта телеграмма ничего хорошего не принесёт, – сказала перепуганная директриса и присела рядом с Акулиной Ивановной.

И со старухой тоже разобрались! Правда, не совсем они старик со старухой, но об этом попозже. В некотором царстве, в некотором государстве...

5

Париж. Пятизвёздочный отель «Бастилия».

О! Куда нас занесло!

Длиннющий лимузин, лихо, перестроившись с третьего ряда в первый, резко притормозил у входа отеля, светящегося всеми мыслимыми и не мыслимыми цветами назойливой рекламы.

Из передней двери браво выскочил молодой человек в форме, открыл дверцу авто и почтительно поклонился. Из огромного чрева элитного автомобиля сначала вывалился средних лет мужчина, а за ним выпорхнула дама неопределённых лет. Одеты они были не по сезону. Мужчина был в смокинге, дама – в вечернем платье. Он – весь пепельно-седой, она – вся огненно-рыжая. Они проследовали мимо склонившегося в почтительном поклоне швейцара, услужливо распахнувшего перед ними стеклянные двери.

6

В центре холла остановились. Пока она демонстративно стряхивала с себя две снежинки, случайно застрявшие в её волосах, он подошёл к стойке администратора, чтобы получить ключи от номера.

– Bonjour!

– Bonsoir, – ответили ему.

– Je voudrais la clef de ma chambre.

– S'il vous plait.

Я сейчас вам всё переведу! Не беспокойтесь! Блесну «французским» с онлайн-переводчиком: Он говорит: «Здравствуйте!» Ему отвечают: «Добрый вечер!» Тогда он: «Дайте, пожалуйста, ключ от номера». А ему: «Пожалуйста!» Во как! В общем, поговорили.

Он прихватил положенные галантным дежурным ключи от номера и отошел в сторону. Остановился и снова вернулся к стойке.

– Avez – vous des messages pour moi?

– Есть ли для меня сообщения? – Поинтересовался он.

– Oui. – Ответили ему и протянули конверт.

– Merci.

Ну, «Мерси» все знают. Это – «Спасибо».

Он кивнул и подошёл к даме, на ходу запихивая конверт во внутренний карман.

Они прошли к лифту, который доставил их на самый высокий этаж в самый навороченный номер.

7

– Это было что-то, – заговорила по-русски она, когда они оказались в номере, – такого успеха я даже сама не ожидала!

– Сара Бернар кусала бы локти, видя твой сегодняшний фурор, – подтвердил мужчина, – твоё мастерство, Кикочка, улучшается год от года. Ещё лет этак триста, и ты станешь замечательной артисткой.

Но вместо того, чтобы обидеться на эти грубые слова, дама нежно прильнула к мужчине и заворковала:

– Ты правду говоришь, Кузенька?

– Как твой импресарио – импресарио известной артистки Кики Морэ – я всегда обязан говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Номер был шикарным. Апартаменты для президентов, для шейхов, королей и миллионеров. В окне красовалась Эйфелева башня – символ Франции и Парижа. Посередине номера возвышалась огромная гора цветов из нескольких корзин.

– Извини, Кикочка, – вдруг скривился он, – но терпеть более – нет сил.

Она засмеялась, игриво оттолкнула его, отошла в сторону и плюхнулась в кресло:

– Столько лет, а ничего не меняется!

– Ничего подобного, – он помахал пальчиком в знак протеста, – меняется среда обитания, – и снова заурчал, как чеширский Кот, – можно, Кикочка?

– Хорошо, – весело согласилась она, – всё равно завтра съезжаем отсюда.

Он, чрезмерно довольный разрешением, подошел к огромному камину, стал на четвереньки, засунул голову внутрь и... жалобно-жалобно завыл.

8

Этот вой был таким пронзительным, к тому же усиленный дымоходом, что моментально разнёсся по всему зданию.

9

В одном из номеров гостиницы с одной постоялицей от воя случился удар прямо в туалетной комнате. Услышав его, она подпрыгнула на унитазах, как реактивная ракета, проскочила через всю комнату и рухнула, словно «Челленджер» на взлёте, между ванной и биде.

10

Все посетители ресторана, находившегося на первом этаже отеля, замерли и с подозрением посмотрели в сторону кухни: «Неужели там из кого-то делают бифштекс. С кровью?» Один из них выронил вилку, которая со звоном полетела на пол. Второй с перепуга отбросил в сторону бокал, треснувший от резонанса, вызванного воем. Третий просто свалился со стула. У ресторанного певца нота застряла в горле, и он захлебнулся своим чудным тембром голоса. Официант выронил разнос, заставленный всякими блюдами.

11

Пешеходы, проходившие мимо отеля, как при воздушном налёте, повалились на землю и начали отползать подальше от гиблого места.

12

Дежурный администратор с перепуга нажал кнопку пожарной тревоги, чем ещё больше напугал перепуганных жильцов и прохожих.

13

Во всём отеле всё зазвенело, завывало. Противопожарная система включилась и начала заливать водой коридоры и номера. Все жильцы и работники отеля повалили прочь, сметая всех и вся, из здания на улицу. Некоторые начали выпрыгивать из окон.

14

И лишь в одном номере весело смеялись, глядя на эту картину: известная артистка Кика Морэ и её импресарио.

– А вот и скорая помощь пожаловала! – веселился Кузя.

15

И действительно: к парадному входу отеля с сиреной подскочила машина скорой медицинской помощи. Из неё выскочили санитары, схватили носилки и помчались внутрь здания.

16

– Потом, как всегда, пожарные и полиция приедут, – вздохнула артистка.

Ей быстро надоела происшедшая возня, и она отошла от окна к огромному букету цветов, погладила его, пытаясь обнять.

– Как они пахнут!

Среди сотен роз обнаружила визитку очередного поклонника, осторожно, чтобы не уколоться, извлекла её.

Маленький картонный четырёхугольник оказался не визиткой, как она подумала прежде, а посланием. На нём было всего лишь одно слово: «Пора!»

– Кузя, – ойкнула она, – смотри!

Мужчина, нехотя, оторвался от окна, подошёл к ней, взял из рук бумажку, прочёл. Торопливо достал из внутреннего кармана своего пиджака конверт, который получил у стойки администратора, нервно вскрыл его, выудив содержимое.

Это был листок с одним словом: «Пора!»

– И мне пришло, – растеряно сказал он и опустил в кресло, – пора возвращаться домой раньше, чем хотелось бы.

– Чего ты расстраиваешься, Кузьма, – тихо произнесла женщина, – зимой в России хорошо.

А это уже теплее. В некотором царстве, в некотором государстве... в России, то есть...

17

Ханты-Мансийский округ. Где-то в тайге.

– ...А ещё говорят, что этот лесничий появляется всегда, будто из-под земли и под землю уходит, – рассказывал один мужик двум другим, сидящим рядом с ним у костра, странным личностям.

– Прямо Рэмбо какой-то, – скептически произнёс Второй.

– Брехня! – махнул рукой Третий.

Сидели они на небольшой полянке под старой березой. Вокруг был зимний лес, трещавший вверху заледенелыми голыми ветками.

– Вот истинный крест, – настаивал Первый, – Народ говорит, что этот самый лесничий столько нашего народа поизвёл, что и не сосчитать вовсе. Щёлкает нас – братков-охотников, как семечки.

– Терминатор, что ли? – иронично спросил Второй.

– Брехня всё это! – зевнул Третий.

– Брехня? Вот прошлым годом, говорят, – не унимался Первый, – пошли косою Гришка с хромым Васькой капканы на мелкую зверюшку ставить. Быстро управились – расставили. Как водиться после этого закусили хорошо и к вечеру домой пошли. Идут, значит, они по дорожке, глядь, а впереди...

– «Мёртвые с косами стоят и... тишина!» – закончил за него Второй.

– Знамо дело: закусили прилично, вот хренотень всякая и видится, – продолжил Третий.

– Нет, – пропустил шпильку мимо ушей Первый, – впереди на дорожке все их капканы, те, что они целый день устанавливали, в рядочек лежат. Их ждут.

Второй и Третий недоверчиво переглянулись, но примолкли. А Первый, вдохновлённый этой победой, продолжил:

– Цельную ночь трудились – капканы изнова расставляли. К утру, уставши, закемарили. А когда проснулись, чуть ума не лишились: все их капканы вокруг них расставлены. Кружочком. Да так плотно друг к дружке, что не пройти меж них, не то, что проехать.

– Ну и что? – Хором спросили Второй и Третий.

– А то, – понизив голос, тихо сказал Первый, – что выйти из круга капканьего они не могли. Только щелку, какую приметят, только в неё направятся, а капканы, будто живые на них, как собаки кусачие, кидаются. Цельных три дня и три ночи они в этом плену просидели голодные и холодные, пока их Служба спасения не нашла и не высвободила. С тех тор хромой Васька – окосел, а косою Гришка – охромел. Они про эту катавасию сразу же куда надо стукану... в общем, сообщили, но никто им, бедолагам, не поверил.

– Чего ж? – Удивились Второй и Третий.

– А возле них десяток пустых бутылок из-под водки нашли. Будто кто-то специально их по всему лесу собрал и им подкинул. А они, горемычные, за трое суток и капли в рот не брали, всё, что с собой принесли, в первый же день улюкали, а откуда эти бутылки взялись, знать не знали, и ведать не ведали. Вот потому никто и не поверил, хоть они божились и землю грызли.

– Мистика прямо, – сыронизировал Второй, – меньше пить нужно было!

– Брехня! – подвёл итог Третий.

– Во-во! Все так говорили. Брехня – брехнёй, не знаю, как вы, а я меры предосторожности принял, – снисходительно произнёс Первый, – а вы, как хотите.

– Какие – такие ещё меры? – Хмыкнул Второй.

– Известно какие, – хмыкнул и Третий – «Памперсы» на причинные места, вот какие!
И они весело заготовили.

– Всё! Хватит бодягу разводить. – Поднял пластмассовый стаканчик Второй. – Давайте по единой и домой, а то темнеет уже.

– За лесничего! – засмеялся Третий, – Чтобы он нас другой дорогой всегда обходил. Приличным людям жить и кормиться не мешал.

– За него – родимого! – Согласился Второй.

Первому ничего другого не оставалось, как присоединиться к двум приятелям. Выпили. Закусили рукавами. На морозе и такая закуска сгодится. Скомкали пустые стаканчики и зашвырнули их подальше в кусты. Оглянулись.

– Ё-кэ-лэ-мэ-нэ! – вдруг вырвалось у Второго, – а где мой сидор с добычей?

– И моего нету, – вставился Третий, – я его тут примостил, точно помню, а теперь гляжу: нету, как корова языкам слизала.

– Вот, – оглянулся, трусливо, по сторонам Первый, – кажись, и у нас началось!

– Что началось, придурок, – вспыхнул Второй, – ты нам всё это дерьмо специально втирал, чтобы добычу себе ухапнуть и на потусторонние силы спихнуть. Не выйдет, Коперфильд! Мы тоже не пальцем деланные.

– Ты куда моих белок дел? – пошел Третий с кулаками на Первого.

– Так и ружья куда-то заныкал, Кукрыникс! – Возмутился Второй.

– Отдай по-хорошему, – попросил Третий, – а то плохо будет.

– Братцы, – упал на колени Первый, – вот вам крест святой, не брал я, гадом буду.

На эти слова в зимнем небе вдруг произошло то, что проходит один раз в миллион лет: загремел гром. Второй и Третий от неожиданности вздрогнули и посмотрели вверх. Затем торопливо перекрестились. А когда опустили головы – Первого на месте не было. Был человек – и нет человека. Только обувь одна и осталась, да портки поношенные.

– Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! – опять выразился Второй.

– Уполз змеёныш! – констатировал побег Третий.

И вправду, в кустах они заметили хвост какой-то гадины, вдруг выползшей посреди зимы на белый свет, и сейчас лихо улепётывающей в своё змеиное кубло.

– Его нужно догнать, – принял решение Второй.

– Как же это он голый-то? – Пожал плечами Третий.

– Чтоб сподручней ноги уносить было, – объяснил Второй.

– Ему ж холодно будет, – пожалел его Третий.

– Не замёрзнет, – успокоил его Второй, – он же всё время бежать собирается.

– Тогда: ты – направо, я – налево! – Предложил Третий.

– Идёт! – Согласился Второй.

– Разбежались?

Но разбежаться им не удалось. На поляну выскочил огромный медведь, преградив им дорогу. Он встал на дыбы и громко заревел.

– Шатун! – Вырвалось у Второго.

Они мгновенно оказались на дереве, возле которого слушали рассказы Первого. Медведь приковывался к березе, поднялся во весь рост, поточил огромные когти о ствол дерева, словно специально им показывал своё смертельное оружие, затем медленно обнюхал место, на котором они сидели до этого.

– Что, голубчики, попались? – услышали они, а затем увидели выходящего из зарослей мужичка, – Вам же ясно было сказано, что в лес ходить опасно, а особенно браконьерствовать. Случайно нарваться на неприятности можно.

– Слышь, мужик, – взмолился Второй, сидя на ветке пониже Третьего, – это твой зверь?

– Не-а! – ответил тот, – Он сам по себе.

– Будь добр, отгони медведя, – попросился Третий, – Вижу, что он тебя уважает, и драть не будет. Отгони, мы заплатим.

– А я, мил человек, ему не указ. Сами просите. Если он деньги у вас примет, может и отпустит, а если нет, сидеть на ветках будете до весны, если досидите, конечно, при таком морозе, – Развернулся и пошёл прочь.

– Эй, ты, как там тебя, ты куда? – Запричитали горе-охотники.

– Как куда? Домой!

– Забери зверюгу, Ирод, – заорал Второй.

– Когда меня отсюда снимут, – зловеще зашипел Третий, – я тебя обязательно найду!

– А чего меня искать, – спокойно произнёс мужичек, – я всегда здесь. Лесником здешним работаю. А что до того, чтоб тебя оттуда сняли, так я очень и очень сомневаюсь. Здесь редко кто проходит. Кричи – не кричи: вёрст пятнадцать ни одна душа не услышит. Так что на дереве до весны куковать будете за дела ваши пакостные. Это моё последнее слово. Покедова.

И он пошел в гущу леса, оставив на полянке браконьеров, сидящих на дереве, у подножья которого удобно разместился медведь.

18

Выйдя на просеку, он достал из кармана мобильный телефон и набрал номер. Не сбавляя хода, продолжал идти и говорить по телефону:

– Макарыч, ещё два гаврика попались. На дереве сидят. На поляне, как к роднику идти. Пусть ещё часа два помёрзнут, а потом можешь их снимать. «Вещдоки» я сам занесу. Ну, бывай!

Он отключился и хотел сунуть телефон в карман, но тот гнусно пропищал, возвещая о сообщении. Лесничий остановился, пробежался пальцами по кнопкам, выживая SMSку. На весь дисплей было одно слово: «Пора!»

Э! Как далеко нас закинуло! Сказка наша не у чёрта на куличках проходит, а чуток поближе...

19

Одесса. Ликеро-водочный завод

– А сейчас, чтобы вы не сомневались в том, что всё это по-настоящему, а не какой-то фокус-покус, мы завяжем нашему эксперту глаза, – бодро декламировала ведущая программы, – Яков Маркович Вассерман – дегустатор от Бога. Второго такого вы больше днём с огнём нигде не найдете.

За длинным столом, на котором разместилось огромное количество банок, склянок и бутылок, восседал толстенький лысенький человечек и с удовольствием выслушивал всё, что о нём говорили. Он, подтверждающее, кивал головой и старался не пропустить ни единого слова, как будто текст, который произносила ведущая, он знал наизусть и следил сейчас за тем, чтобы она ничего случайно не забыла.

– Не одна, а несколько солидных иностранных фирм хотели заполучить такого ценного специалиста, как Яков Маркович. Но он не поддался на их уговоры, не погнался за их длинным, поганым рублём, как некоторые. А остался верен нашей независимой стране, нашему любимому городу и нашему прославленному одесскому ликёро-водочному заводу, – и она повела рукой назад, словно открывала занавес, за которым зрительским взорам представали огромные деревянные бочки с алкогольным богатством, светлые цеха с современным импортным оборудованием, одетые в чистые выглаженные спецовки трезвые работники предприятия.

– Он, как и его отец, Марк Яковлевич Вассерман, с честью несёт гордое звание винодела, водкодела и коньякодела.

Раздались жиденькие аплодисменты. Жиденькие потому, что в помещении, где проходило это действие, народа, было немного: кроме пафосной ведущей и дегустатора Вассермана, на небольшом расстоянии от стола в четырёх креслах, вальяжно развалившись, сидели четыре человека.

– Господа, – уже спокойнее произнесла ведущая, – после сеанса вы сами можете попробовать любой напиток, который производит наш прославленный завод. А сейчас приступим. Прошу вас, Яков Маркович!

Дегустатор поднялся, обошёл вокруг стола, поклонился и сел впереди на стул спиной к банкам-склянкам. Ведущая, как плохая ассистентка у великого иллюзиониста, театрально подняла вверх платок, который тщетно старалась незаметно вытащить из рукава, повертела им, как гимнастка, выполняющая вольную программу на олимпийских играх, подошла к Якову Марковичу и завязала ему глаза.

– Чтобы вы не обвинили меня в подтасовке, я попрошу одного из вас подойти к столу, налить на ваш выбор напитки, находящиеся на этом столе, в эти бокалы и предложить попробовать их нашему эксперту.

Сидящий с краю молодой человек бодренько поднялся, подскочил к столу, в надежде запутать, а потом разоблачить мошенников. Потёр руки и по-хозяйски стал рассматривать содержимое банок, склянок и бутылок: с чего бы начать? Потом, приняв решение, выставил вперед пузатый бокал, из середины вытащил длинную худющую бутылку, прочитал название и, хищно улыбнувшись, наполнил жидкостью треть бокала. Ведущая, снисходительно посмотрела за напрасными манипуляциями комбинатора-разливальщика, приняла бокал из его рук, торжественно прошествовала перед, сидящими в креслах, гостями и отдала его Якову Марковичу. Последний сначала носом вкусил аромат напитка, затем пригубил его, языком растирая по губам, и только тогда сделал глоток.

– «Мускат». Произведен в селе Шабо Одесской области в сентябре 1999 года.

Разливающий сверил ответ дегустатора с надписью на бутылке, удивился и кивнул в подтверждение сказанному. Выставил вперед ещё один бокал, выудил ещё одну бутылку, на этот раз размером поменьше и объёмом побольше. Изучил этикетку и плеснул немного содержимого в ёмкость. Ведущая, хмыкнув, протянула руку, чтобы забрать бокал, но комбинатор, остановив её жестом, взял ещё две бутылки и, даже не читая того, что на них написано, долил бокал их содержимым до самых краёв. И только после этого с подчеркнутой любезностью решил ей передать эту гремучую смесь Якову Марковичу. На этот раз она прошла с бокалом перед гостями не так уверенно, как прежде, и передала его прославленному дегустатору с легкой тревогой. Со вторым напитком он проделал тот же ритуал, что и с первым. В этот раз он не сразу произнёс название напитка, находящегося в бокале. Он попробовал его ещё раз, чем расстроил и без того волнующуюся Ведущую. После третьей пробы Яков Маркович покачал головой из стороны в сторону.

– Я, конечно, у всех прошу прощения, но какой болван сотворил этот безумный коктейль? Здесь он намешал три разных напитка: трехлетний коньяк «Таврия» из Каховки, пятилетний коньяк «Белый аист» из Молдавии и восьмилетний коньяк «Коктебель» из Крыма. Сами по себе они замечательные, а вот вместе представляют собой средство по борьбе с клопами.

Новоявленный бармен, принялся исследовать этикетки всех трёх бутылок. И снова получил полное подтверждение всем словам эксперта. Но на этом он не успокоился. Он выставил последний пустой бокал вперед. Затем залез к себе в карман и достал маленькую пластмассовую пол-литровую бутылочку, по этикетке которой содержимым бутылки значилась сильногазированная целебная минеральная вода «Куяльник». Он открыл бутылку, сделал из неё

несколько глотков, победно, вылил остатки воды в бокал и передал его лично Якову Марковичу, демонстративно проделав весь путь, который проходила до него Ведущая. Старый, битый жизнью, дегустатор в этот раз не проводил ритуала, а сразу же, отхлебнув чуток жидкости, произнёс:

– Вода обыкновенная. Из центрального водопровода города Одессы. Если точнее: забор воды был произведен из крана на пересечении улиц Соляная и Раздольная в районе Куяльницкого лимана недалеко от грязелечебницы имени Пирогова три дня назад.

Затем понюхал её и добавил:

– Очищенная. А так бы воняла ещё и рыбой. Пить её не рекомендуется. Много соли и незапланированных фекалий. Как сюда попала эта гадость?

Глаза комбинатора вылезли из орбит. Он с ужасом посмотрел на бутылку, из которой он только что пил. Все остальные присутствующие громко расхохотались.

– По-моему, достаточно, – поднялся один из них, сидевший посередине, – Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что нам очень понравилась презентация вашего завода. Большое спасибо, лично дорогому гендиректору Якову Марковичу, который доставил нам истинное удовольствие увидеть и это замечательное представление.

Они снова вяло поаплодировали.

– А что касается вашего предложения, я думаю, оно нам подходит. Я не знаю, как поступят мои партнёры, но я готов вложить свои деньги в развитие вашего завода и развития нашего совместного бизнеса.

Яков Маркович, успев сдернуть с глаз платок, уже стоял рядом с говорившим.

– Так, может, сразу и договорчик подпишем, – предложил он, – чего тянуть кота за хвост.

– Яков Маркович – вы замечательный деловой человек, – продолжил сидевший сбоку, – которого я знаю много лет и готов сотрудничать, не раздумывая, но вот ваше высокое руководство непредсказуемо. Я уже вложил деньги, и не малые, сначала в зерно. Потом пришли ко мне от Крамчука и сказали, что это их бизнес. Тогда я вложил средства в топливо. И снова ко мне пришли, но на этот раз от Бучмы. Потом приходили от Ященко и Юнуковича. Сейчас никого из них нет, но нет и денег. Я боюсь, что когда я вложу деньги в ваш бизнес, придет кто-то от нового президента. И я снова окажусь на бобах.

– Давайте делать бизнес, как его делают на Украине, – предложил Яков Маркович.

– Интересно как? – оживился тот, который сидел посередине.

– Найдем нужного нам кандидата, вложим деньги в агитацию, – начал объяснять старый одессит, – и, когда он станет президентом, получим лоббирование наших интересов.

– А если мы проиграем?

– Это не возможно.

– Ну, все-таки? – Не унимался джентльмен, сидевший сбоку.

– Пойдем в оппозицию. Она тоже неплохо кормится из государственной кормушки.

– Дайте мне подумать? – Сдался первый инвестор.

– Хорошо, – согласился Яков Маркович, – Подумайте. Только не долго, а то на наши активы уже голодные днепропетровские бизнесмены заглядываются. Вам двух дней хватит?

– Хватит, – согласился четвёртый, который до этого всё время молчал.

– Ну, вот и ладненько, – обрадовался дегустатор, – тогда до послезавтра.

Они пожали друг другу руки и направились к выходу.

20

Яков Маркович проводил их к машинам. Каждого усадил, вежливо попрощавшись. Каждого отправил. А когда остался один, облегченно вздохнул и, устало, поплёлся в административное здание.

21

В приёмной, на двери которой висела скромная табличка: «Генеральный директор завода Вассерман Яков Маркович», его уже дожидалась ведущая, она же была его секретаршей и первой помощницей.

– Ну, как я? – весело подмигнул он ей, – есть ещё порох в пороховницах?

– Есть! – подтвердила она.

– Как думаешь, подпишутся они или нет?

– А куда они денутся! Доказано, что политика – самый выгодный бизнес в Украине.

– Неужели?

– Просто другого бизнеса у нас в государстве нет уже давно.

– Если подпишутся, здорово будет, – задумчиво произнёс он, – а то совсем скверно.

Конкуренты нас окончательно в угол загонят. Ну, я пойду. На сегодня хватит. Устал я.

– Яков Маркович, – вдруг всполошилась ведущая, – совсем забыла: вам телефонограмма пришла. Срочная.

– Читай!

И она прочла:

– «Пора!»

Он замер. Она увидела, как посинело его лицо.

– Яков Маркович, что случилось? – испугалась она, – Ревизия? Налоговая?

– Хуже, – удрученно ответил он, – от «налоговой» откупиться можно, а от этого – нет.

Вассерман вздохнул и направился в свой кабинет. Отдохнуть ему не удалось.

22

В кабинете он, предварительно плотно прикрыв за собой дверь, подошёл к аквариуму, стоящему на отдельном столике у окна. Снова вздохнул, измучено улыбнулся и засунул голову в воду.

Опять промахнулись с местом. Так мы никогда не начнём! Намекаю! В самом центре некоторого царства, в самой серёдке некоторого государства...

23

Москва. Частная квартира в Сокольниках

Вот теперь другое дело, а то мечемся из стороны в сторону, а попасть куда надо, никак не можем! А Москва – это другое дело!

– Вот теперь другое дело. Продуктов у нас с тобой, Василий, на неделю хватит. Всю пенсию на них положила. – Вздохнула старушка, выкладывая на кухонный стол из сумки только что принесенные продукты, – за коммунальные услуги заплатила, за свет, за воду тоже содрали. И нет её, пенсии. Одна радость, что в Новый год идем мы с тобой без долгов.

Она взглянула на чёрного упитанного кота, который сидел на подоконнике и сосредоточенно вылизывал себе то, что всегда вылизано у них до блеска. Она обращалась к нему, ища поддержку, будто он сразу же начнёт кивать ей в ответ головой, и будет искренне сочувствовать её проблемам, которые сводятся к одной единственной, но самой главной, называемой простым словом: одиночество. И дело, конечно, не в количестве денег, которые она получает раз в месяц, не в плохом правительстве и президенте, которых она поносит изо дня в день, а дело именно в том, что ей не с кем поговорить. Вот потому она обращалась к коту – единственному

живому существу, обитавшему вместе с ней в этой маленькой однокомнатной квартире. Он жил с ней давно, мирно и дружно. Исправно пожирал всё, что она ему готовила, и интеллигентно ходил справлять нужду исключительно в унитаз.

– Сейчас сварю сосиски, и мы будем с тобой кушать. – Обрадовала она кота, на что последний даже ухом не повёл.

Кроме сосисок у бедной пенсионерки на столе лежали: свежие помидорчики и огурчики, вязка бананов, ананас, тоненько порезанные сырокопчёная колбаска и твёрдый сыр, кусочек торта, куриные ножки, ещё какие-то пакетики и свёрточки, содержимое которых нам не разглядеть из-за плотности упаковки. Такой набор продуктов предвещал в ближайшем будущем праздник. И он, конечно, приближался семимильными шагами. Праздник со звоном курантов, с «Шампанским», с салютом и пением песенки «В лесу родилась ёлочка». Это праздник – Новый год, о котором не дают забыть ни висящие на всех улицах транспаранты с поздравлениями «Удачи!», «Счастья», «Здоровья», «Благополучия», ни светящаяся разноцветными огнями иллюминация, изображающая всевозможные снежинки, ёлочки и звёздочки, ни программы телевидения, которые ежеминутно напоминают нам о приближении этого знаменательного события.

В кухне на холодильнике у бедной старушки стоял маленький телевизор, который выключался лишь тогда, когда они укладывались спать. Даже когда она куда-нибудь уходила, она всегда оставляла его включенным, чтобы не было скучно её любимому коту. Сейчас по телевизору передавали «Новости», в которых диктор чётко и доходчиво сообщал о предновогоднем саммите руководителей стран большой восьмёрки в городе Санкт-Петербурге, где будут подписаны самые важные документы этого десятилетия:

– На предновогоднем саммите, который будет проходить в городе Санкт-Петербурге, где соберутся руководители стран «большой восьмёрки», будут подписаны самые важные документы этого десятилетия. Американцы опять обещают сразу же после нового года демонтировать в Польше и Румынии систему ПРО. Из Литвы и Эстонии вывести войска НАТО, а в Латвии возместить России ущерб от первой социалистической революции, которую совершили почти сто лет назад под руководством Ленина латышские стрелки. Руководители этих держав будут настоятельно рекомендовать Англии не выходить из Евросоюза, а Молдавии объявить о суверенитете Гагаузии и Приднестровья из-за того, что те отказываются от Европейского выбора, Армении и Азербайджану подписать соглашение по Нагорному Карабаху. Также они будут рекомендовать президенту Америки вывести свой флот с Черного моря, который доставил гуманитарные грузы в Грузию и забыл оттуда вернуться.

Эта информация не заинтересовала ни старушку, ни кота. Их не взволновала ни эта встреча, ни эти исторические документы. Каждый из них продолжал заниматься своим делом. Она – выкладывать продукты, он – вылизывать все места.

В коридоре громко зазвенел входной звонок. Старушка остановила бесконечную выемку покупок из сумки и посмотрела в сторону входной двери.

– Кто это? – спросила она кота, будто он мог ответить, – мы с тобой сегодня никого не ждём.

Но всё-таки пошла открывать. У двери остановилась и подозрительно поинтересовалась:

– Кто там?

– Телеграмма! – услышала в ответ.

– От кого? – снова спросила старушка.

– Не знаю, – ответили ей из-за двери, – я чужих телеграмм не читаю.

– А вы прочитайте, – разрешила старушка.

– Не буду, – твердо сказали ей с той стороны.

– Почему?

– Дело принципа. Мне сказали не читать, вот и не читаю.

Повисла пауза.

– Так вы будете телеграмму получать или нет? – не выдержал курьер.

– А вы её под дверь положите, а я потом её без вас заберу.

– Да! А кто расписываться за неё будет? Она же с уведомлением.

Снова образовалась пауза. На этот раз нарушила её старушка.

– Я вас боюсь.

– Чего меня бояться? – спросили с той стороны.

– А вдруг вы меня насиловать будете.

– Ну, это вы загнули, бабулька. Вам уже столько лет, а в сказки до сих пор верите. Уже таких добрых молодцев нет, чтоб на вас позарились.

– Ну, тогда убьёте меня. И все деньги в доме заберете, – не сдавалась старушка.

– А они у вас есть, деньги-то? Перед Новым годом, наверняка, все потратили.

– Правильно, потратила.

– Ну, вот видите!

– Хорошо, – согласилась она, – только вы отойдите подальше от двери.

– Пожалуйста!

Она отодвинула единственную щеколду на картонной двери и выглянула на лестничную площадку, посередине которой стоял дедина, очень похожий на того, что приезжал к Соловьёву – молодец из ларца.

– Где телеграмма? – спросила она.

– Вот. Получите и распишитесь, – произнёс он и протянул ей бумажку.

Она раскрыла её, прочла и удивлённо посмотрела на почтальона.

– Но здесь... Я ничего не понимаю. Вы, наверное, ошиблись адресом, молодой человек. Я думала, что здесь новогоднее поздравление, а тут... Скажите, кому вы должны её вручить?

– Кому-кому? Мне! – услышала она за спиной.

Вначале она ничего не поняла, но потом, когда до неё дошло, что в квартире кроме неё говорить некому, она повернулась на сто восемьдесят градусов и осмотрелась. В дверном кухонном проёме сидел её чёрный кот Васька и облизывал заднюю ногу.

– Извините меня, молодой человек, – она снова повернулась к почтальону, – я себя не очень хорошо чувствую. Вам известен адрес того, кому вы должны вручить эту телеграмму?

– Ну, я же тебе сказал, карга старая, что мне, – снова услышала она за спиной.

Словно желая поймать с полочки того, кто сейчас разыгрывает её, она лихо повернулась назад и снова никого не увидела. Она растерялась. Кот, прекратив заниматься привычным делом: облизываться, прошелся по коридору. Вышел на освещенный участок, остановился, важно сел, словно копилка, посмотрел в глаза своей хозяйке и тихо произнес:

– Ну, что ты уставилась, как баран на новые ворота? Это я тебе говорю: Телеграмма мне.

Старушка, как подкошенная, свалилась без сознания. А по телевизору диктор продолжал радовать народ новогодними новостями:

– По прогнозам аналитиков в ближайшее время ожидается резкое снижение курса доллара, потому что Россия, наконец, переходит на рублёвую форму расчёта. Её поддержали Китай и Индия. Они решили совместно создать банк в противовес всемирному банку, в которой господствует американский доллар. В связи с этим ряд зарубежных банков уже объявили о своём банкротстве. Радует тот факт, что этот экономический коллапс затронет Россию не так скоро, как наших соседей. Мы успеем подготовиться. Видными российскими учёными уже разработана антикризисная программа, которая в ближайшее время вводится в действие. Будем надеяться, что мы не пострадаем.

А что дальше будет? У-у-у! Это только начало!

Санкт-Петербург. Частная клиника

Большая стрелка часов передвинулась на цифру «12», внутри них что-то шелкнуло и дверцы домика, над которыми висела надпись «Аптека», открылись, выпустив кукушку, сидящую на жердочке и одетую в белый медицинский халат. На белой шапочке у неё красовался красный крест.

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! – прокуковала три раза она и скрылась в домике.

– Да. Это только начало, – сказал, стоящий во главе стола, высокий худой джентльмен, одетый в белоснежный докторский халат и шапочку, – а что дальше будет, так это будет зависеть только от нас.

Перед ним за столом сидели все наши знакомцы: Соловьёв, Акулина Ивановна, Кики Морэ с импресарио Кузьмой, Лесничий и Яков Маркович Вассерман. По столу лениво, подняв хвост трубой, разгуливал кот.

Кажется, начали! Теперь, наконец, нам станет ясно, что за странная компания собралась за этим столом. И что же объединяет их, совершенно разных, личностей?

– Хватит прятаться по углам. Мы долго молчали, – продолжал джентльмен, – сегодня создалась подходящая обстановка, когда пришла пора заявить о себе, как о силе, с которой нужно считаться.

– А стоит ли? – поинтересовался Лесничий, – нам и так жилось неплохо.

– Тебе может и неплохо, Леший, – перебил его кот, – а мне не очень. Я ведь – кот Баюн, а меня вшивым Васькой постоянно называют. Обидно! Досадно! Но самое главное, что мне всю жизнь молчать приходилось, а я рожден, чтобы баять! Стихи читать – высококую поэзию декламировать! Нести в массы культурное наследие. Сеять разумное и вечное. Всё! Хватит! Надоело! Говорить хочу! Свободу слову! Долой цензуру!

– Жакрой рот, – рявкнул рецидивист Соловьёв, – и так голова от швободы едет...

– Во-первых: у меня не рот, а пасть, как все уже успели заметить, кроме тебя, конечно. А во-вторых...

– Жакрой пасть, – продолжил Соловьёв, – а то голову оторву.

– Кошей, – закричал кот, – успокой этого бандюгу, а то я за себя не ручаюсь!

Баюн нервно задёргал хвостом, выставил длинные острые когти напоказ и приготовился к прыжку.

– Брысь! – громко выкрикнул джентльмен, – ещё одно слово, и я посажу тебя на цепь.

– А это удар ниже пояса, – возмутился кот.

– Нишего, – успокоил его Соловьёв, – походишь на шепи вокруг дуба, шкажки порашкаживаешь, легче штанет.

Кот глубоко вздохнул и недовольно отошел на край стола. Там он сел и тихонько начал облизывать лапу, то и дело демонстративно выпуская когти.

– Кто ещё хочет высказаться? – предложил джентльмен.

Из-за стола поднялась актриса Кика Морэ.

– Кошенька, я не поняла, что нам предстоит делать? Если это что-то противозаконное – я не волнуюсь. Не впервые такими делами заниматься приходится. Но если это займёт много времени – я сразу отказываюсь. У меня катастрофически его нет. Понимаешь, сейчас самое время для работы. Новый год. Все артисты, без исключения, «морозят».

– Что делают? – удивился Кошей.

– Ну, становятся Снегурочками, дедами Морозами, – начала объяснять Кики.

– Ой, не могу! – Снова не выдержал кот, – Кузя, как я понимаю, у нас – дед Мороз, а ты – ой, сейчас помру! – И он затрясся от смеха, – Красавица Снегурочка! Это же надо! Детки под ёлочкой песенку поют:

«У нас сегодня Дед Мороз
По пьяне школу всю разнёс.
За этот дедушкин каприз
Снегурка делает стриптиз.
Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!
Завтра сделает на «Бис!»»

Он повалился на спину и задрогал всеми четырьмя ногами.

– А что такое? – наивно повела плечиками Кикимора, – Некоторые и замуж в моём возрасте выходят.

От этих слов у кота началась истерика.

– Замуж? Ой, умора! Это ж любой жених тебе пра- пра- пра- пра- внучком будет. Если вдруг ненароком узнает: сколько тебе лет, с ним удар случится!

Он уже икал от смеха.

– Кошенька, – надула губки Кикимора, – скажи ему, чтобы он прекратил издеваться, а то я обижусь. А вы чего молчите, – обратилась она ко всем присутствующим за столом, – вашу сестричку обижают, а вы не вступаетесь?

– Какой Дед Мороз? Какая Снегурочка? – наконец, возмутился Кощей – джентльмен в медицинском халате, – Что вы мне здесь комедию разыгрываете? Я не прошу вас в этом участвовать, я вам приказываю. Вы что, не поняли меня? Кто не со мной, тот против меня, а с предателями у меня разговор короткий: на операционный стол. Потом, для вида, в реанимацию, а затем в морг. Я даже мумии из вас делать не буду. Отпоют в часовенке и по ветру развеют.

Кикимора от ужаса плюхнулась на стул, как рыба, шевеля губами. Все замолчали.

– Я вас вызвал для того, чтобы выдать каждому из вас задание, а не спрашивать у вас, хотите ли вы его выполнять или нет. Будете выполнять. Куда вы денетесь.

– Я готов к труду и обороне, – заявил Соловьёв, – только жубы мне нужно вштавить. Беж жубов, какой же я шоловей-разбойник? Калека – одно слово.

– Вставим! – пообещал Кощей. – У меня в клинике классные специалисты найдутся. Сразу же после совещания и пойдём вставлять. Керамические! Ещё вопросы?

– Что делать будем? – Спросил Яков Маркович, до этого, молча, наблюдавший за всем происходящим. – Обрисуйте, пожалуйста, перспективу, хотя бы в общих чертах.

– Зачем же в «общих», Водяной? – улыбнулся Кощей. – Можно и в деталях. Вы знаете, что во всём мире создалась напряжённая обстановка, вызванная экономическим кризисом. Кроме того, наконец, Тбилиси расшевелил муравейник, который не решались трогать долгие годы. Я имею в виду его военные действия против Цхинвали. Я ожидаю в ближайшее время взрыва агрессии на территории Приднестровья и Нагорного Карабаха. На Украине уже коричневые голову подняли. Скоро, совсем скоро они себя покажут во всей красе. Западная Украина собирается отделяться. Далее наружу вылезет крымский территориальный конфликт. Для нашего появления созрела исключительно благоприятная обстановка. Нам необходимо немного: подбросить дровишек в этот разгорающийся военный костёр.

Все, молча, слушали. Кот, облизывая переднюю лапу. Соловей-разбойник, рисуя какие-то каракули в записной книжке. Кикимора, морща лобик, пыталась понять, о чём вообще идёт речь на этом заседании. Кузьма водил пальцем по столу. Леший сосредоточенно сопел. Баба Яга, откинувшись на спинку стула, застыла, как изваяние и не шевелилась. Водяной, не заметно ото всех, вынул из кармана жевательную резинку. Развернул её и отправил в рот. Обёртку скомкал и сунул в карман Соловья-разбойнику. А Кощей продолжал:

– Ни для кого не секрет, что перед Новым годом в городе Санкт-Петербурге собираются лидеры стран большой восьмёрки.

– Кто собираетшя? – с неподдельным интересом вдруг спросил Соловей-разбойник.

Кощей снисходительно посмотрел на разбойника сверху вниз и сказал:

– Тебе не всё равно, Соловушка?

– Не-а, – замотал тот головой, – Я на всех политинформациях в жоне приштутствоввал. Коншпекты коншпектировал. Меня жа это даже к дошрошному ошвобождению предштавляли, но не выпустили. Шказали, што я недоштаточно политищешки подкованный. На што я им ответил, што я пщиша швободная, а не какой-то мерин сивый, штоб меня подковывать... Не поняли они, што я такое шказал, очень обиделишь и не отпушили.

– Пусть он заткнётся! – возмутился кот, – Кто из нас Баюн: я или он? Я, как сволочь, молчал целую тысячу лет и сейчас молчу, а он трындит не замолкая! Где справедливость?

– Ещё наговоришья, – успокоил его Кощей, – всем работы хватает.

– Ну, тогда другое дело, – промурчал довольный кот и разлегся вдоль стола.

– Мы заявим о себе на весь мир! И президенты самых крупных стран мира нам в этом помогут, – сообщил Кощей.

– Мы что, в компанию президентов попадем? – вскочила Кикимора, – Здорово! Можно я потом во всех интервью буду говорить о встрече с ними? Сдохнуть можно! Кошенька, мы с Кузей согласны.

– Нет! Никаких интервью не будет, – грозно произнёс Кощей, – мы их возьмём в заложники, а потом уничтожим. Мы не дадим им возможности договориться. А поодиночке им с кризисом не справиться.

Повисла пауза. Каждый переваривал услышанное только что. Кот продолжал валяться на столе, нервно подёргивая хвостом. Соловей-разбойник изумленно смотрел на Кощея. Кикимора, непонимающе моргала глазками, поворачиваясь то к Кощею, то к Кузе. Кузьма, уставившись взглядом в стол, пальцем тёр кончик носа. Леший чесал, задумчиво, затылок. Акулина Ивановна пыталась что-то сказать, но всё не решалась. Водяной сосредоточенно выдувал изо рта большой водный пузырь, как выдувают пузыри из жевательной резинки. Кощей, ожидая, обвел взглядом всех присутствующих.

С громким хлопком взорвался пузырь, раздутый до предела. От неожиданности все подпрыгнули. И лишь одна Акулина Ивановна, подпрыгнув, осталась стоять и торопливо заговорила:

– Ты, Кощей, по-моему, умом тронулся. Тебе что, плохо живётся? Смотри, какую клинику отгрохал! Работай себе для своего удовольствия. Тебе что, славы захотелось? Так она у тебя и так имеется. Клинику твою все знают. Со всего света к тебе за лечением едут. За много месяцев вперед записываются. Денежки не ручьем, а речкою в твой карман текут. Чего тебе ещё не хватает?

– А то, что нас забывать стали, – зло прошипел он, – дети на вообще не знают. У них теперь новые герои. Зомби и гоблины. Скоро деда Мороза на Санту заменят. Посмотрите телевизор, почитайте книги: нас нигде нет!

– И для этого тебе столько народа изводить нужно? – Всплеснула руками Акулина Ивановна, – Дурак ты!

Кощей подскочил к ней.

– Ты, баба Яга говори, да не заговаривайся. Я сказал: тому быть! Значит, тому не миновать.

Но баба Яга не испугалась. Она, смело, взяла за грудки Кощея Бессмертного и затрепыхала его впереди себя, как грушу:

– А ты меня не пужай – не такие пужали. Не боюсь я тебя, Ирод. Отбоялась. И запомни: все твои козни поломаю. Все твои пакости присеку. Такое моё слово. Всё! Наслушалась. Надоела мне твоя компания. Ухожу я.

И она решительно пошла к двери. Возле неё остановилась, повернулась ко всем и спросила:

– Кто со мной?

Кот повёл в её сторону ухом, но продолжал валяться на столе. Соловей-разбойник улыбнулся беззубым ртом и преданно посмотрел на Кощея.

– Ишпепели её, Кощеюшка!

Кикимора снова заморгала глазками, повернулась сначала к Кощею, потом к Кузьме. А Кузя, хлопнув руками по коленкам, встал, потянулся и пошел к бабе Яге:

– Я в такие игры не играю. Война – это, прежде всего разрушение, а я не люблю, когда из домов – руины делают. Где же тогда домовой жить будет, если дома не будет? Извини, Кощей, бывай с миром.

– Я тоже пойду, – присоединился к ним Леший, – в лесу каждую животинушку берёт, а тут кого-то изводить предлагают. Нет! Не по-людски всё это.

– Так ты ж и не человек вовсе, – заорал Кощей, – что ты несёшь, Леший!

– Тебе не понять, Кощей, – вступился за Лешего Водяной, – он среди людей потёрся, хоть и в лесу всё время жил, вот от них и набрался. А ты, видать, больше по моргам ошивался. Там человеческому не научишься. Акулина Ивановна, я тоже с тобою.

– А как же я? – Вдруг вскочила Кикимора, – Кузя? Я не могу без тебя! Не покидай меня. Я пропаду.

– Я знала, что ты дура, – пожала плечами баба Яга, – но чтоб до такой степени – даже не догадывались. У тебя, Кикимора, альтернатива имеется.

– Какая? – словно хватаясь за соломинку, поинтересовалась Кикимора.

– Пойти с Кузей, придурковатая, – не выдержал кот. Сказал и перевернулся на другой бок.

– И то правда, – обрадовалась Кикимора, – как же я сразу не додумалась? Спасибо, котик.

– Пошла ты, – ответил Баюн, поднялся, спрыгнул со стола и направился к двери, – Прощай, Кощей! Не поминай лихом. Я тоже с ними.

Кощей стал белым, как и его халат.

– Вы все пожалеете об этом!

– Может, и пожалеем... – произнес Леший, закрывая за собою двери, – кто знает?

В кабинете за большим длинным столом для заседаний остались Соловей-разбойник и хозяин кабинета – Кощей Бессмертный. Все остальные ушли.

– Што будем делать, шеф? – поинтересовался Соловей-разбойник, будто ничего не произошло.

– Зубы вставлять, – ответил ему Кощей, – ступай в кабинет номер сорок пять, Соловушка – друг ты мой единственный. Это на четвертом этаже. Там тебе поставят замечательные керамические зубки. От настоящих не отличишь. А я подойду попозже. Мне нужно сделать один очень важный звонок.

– Шорок пять? – переспросил разбойник, – не переживай, Кощей. Вот жубы вштавлю, я им жа тебя отомщу.

– Не сомневаюсь, – сказал Кощей и выпихнул его из кабинета.

Оставшись один, он огромными шагами быстро преодолел весь кабинет, подошёл к столу, на котором стоял телефон. Поднял трубку и набрал номер. Из трубки донеслись заунывные протяжные гудки. Наконец они оборвались, в трубке раздался щелчок и послышался хриплый голос:

– Go ahead. (Я слушаю.)

Этот по-английски начал говорить.
– Good afternoon! (Добрый день!) – поздоровался Кощей.
– How do you do! (Здравствуйтесь!) – ответили ему.
– May i do ther you a moment? (Можно Вас побеспокоить на секунду?) – попросил он.
– Oh it's nothing, (Ничего, пожалуйста.) – бодро сказал хриплый голос: он узнал собеседника, – Long time to see. How are you getting aiong? (Давно Вас не видел. Как дела?)
– I feel blue. (Плохо.)
– You must be kidding? (Вы, должно быть, шутите?)
– No! (Нет!) – грустно ответил Кощей.
А в это время...

25

А в это время Соловей-разбойник в нерешительности стоял у двери, на которой стояло две цифры: «45». Он топтался на месте, стараясь заставить себя выйти в зубодробительный кабинет. Он, хоть и не человек, а злобное отрицательное сказочное существо, как утверждает Кощей Бессмертный, но, на поверку оказывается, что ничто человеческое даже ему не чуждо. Даже такие, как он, боятся бормашины.

Из кабинета в коридор вышел огромный дедина, очень похожий на одного из ларца. Вытер огромные волосатые руки о фартук и, взглянув на прижавшихся к стенке посетителей, спросил:

– Кто следующий?

Все до единого, как по команде, смело показали пальцем на только что пришедшего Соловья-разбойника. Последний попятился назад, но упёрся в стоявших стеной посетителей, которые по доброте душевной подтолкнули его вперед прямо в руки эскулапа.

– Заходи! – сказал он и улыбнулся ослепительной улыбкой.

Не подчиниться такому – значило навлечь на себя его гнев в дальнейшем. И Соловей-разбойник, последовал за дединой, как кролик за удавом.

26

– Садись в кресло, – приказал седовласый доктор, на «бейджике» у которого значилось, что его зовут Артур Эдуардович Дуремар.

Как только Соловей выполнил указание, на его запястьях и щиколотках сразу же защелкнулись ремни, появившиеся не известно откуда.

– А это зачем? – испуганно поинтересовался он.

– Так надо, – ответил врач, – потом сам меня будешь благодарить за эти меры предосторожности.

Самообладание после этих слов окончательно покинуло Соловушку. До этого момента он ещё крепился, как мог.

– Откройте рот, – снова приказал дантист.

Соловей-разбойник, глотнув поднявшуюся слюну, выполнил и это приказание. Врач, запрятав за зеркальный круг один глаз, принялся изучать его беззубую пасть:

– Ой-ё-ёй! – покачал головой доктор.

– О-о-о! – в ужасе вторил ему Разбойник.

– Ай-я-яй!

– А-а-а!

– Да, – закончил обследование врач, открыл глаз, кверху подняв зеркальный круг с дырочкой, – тут, батенька, работы непочатый край. Из тридцати двух зубов всего восемь

осталось. Всё остальное ставить нужно. Идя навстречу пожеланием трудящихся, я постараюсь сделать их дешевле. На пластмассу аллергии нет?

– Нет! – замотал головой пациент, – но мне скажали, што будут керамищешкие.

– Да? – удивился врач.

Он осмотрел с головы до ног полулежачего в кресле клиента:

– Знающий человек вам это посоветовал. Тогда один зубчик, батенька, вам обойдётся минимум в двадцать три тысячи рубчиков. Да умножить на (тридцать два минус восемь остаётся) двадцать четыре – получается чуть больше полумиллиона рубчиков за весь ваш поганенький ротик.

– Шкока – шкока? – отвисла челюсть у Соловья-разбойника. Он попытался встать, но у него не получилось: руки и ноги накрепко были скованы ремнями.

– Не буду я у ваш нишего вштавлять. Я ражбойник, каких ещё поишкать нужно, но вы пощище меня будете. Полмиллиона!!! Отпустите меня.

– Ваше право, батенька. Не хотите – как хотите.

Врач поднялся с кресла, подошел к умывальнику и начал мыть руки.

– А консультация, между прочим, которую я для вас провел, тоже платная. С вас три тысячи рубчиков.

– Шкока – шкока?

– Три тысячи.

– Нишего я вам не дам.

Доктор вздохнул:

– Дадите. Все так сначала говорят, а потом больше предлагают. Но мне больше не надо. Мне то, что положено – положи и будь здоров! Значит так, если через пять минут я не получу свои кровно заработанные три тысячи, мы начнём сверлить оставшиеся здоровые зубы. Совершенно бесплатно. Время пошло.

Соловей задёргался, стараясь освободиться от пут. Но, видя, что из этого ничего не получается, он открыл свой беззубый рот и заорал во всё горло.

– Шпа-ши-ге!

Посетители, ожидавшие в коридоре своей очереди, разом переглянулись, быстро вскочили со своих мест и лихо поскакали к выходу.

– Помогите!!! – продолжал орать Соловей-разбойник.

27

– Will you heth me mith this problem? (Помогите мне с этой проблемой?), – обращался с просьбой Кощей к неизвестному собеседнику.

28

– С удовольствием! – отвечал Соловью стоматолог-коновал.

29

– I am pleased to do so. (С удовольствием.) – отвечал Кощей телефонный собеседник.

– I'm really grateful to you. (Я очень вам благодарен.)

– Never mind! (Не бери в голову!)

– Teke care of yourself! (Счастливо!) – произнёс, удовлетворённый прошедшим разговором, Кощей.

– Goodbye. (До свидания.) – попрощался неизвестный.
Кощей положил трубку и вышел из кабинета.

30

Проходя по коридору, он обратил внимание на пробежавших мимо него перепуганных людей. Удивился, но продолжил шествие.

31

– Осталась последняя минута. – Констатировал врач-иезуит и для пущей убедительности включил бормашину.

Соловей-разбойник замолк и уставился на вертящийся кончик иголки.

– Двадцать... пятнадцать... десять... пять... Приступим.

И в это время в кабинет вошел Кощей.

– Кошенька, родимый, – запричитал со слезами на глазах Соловей разбойник, заметив пришедшую подмогу, – шпасаи душу пропадающую от Ирода проклятущего. Не дай помереть в муках адских. Ну, нет у меня ни рублика, ни копеешки. А ешли было бы, так вше шражу отдал бы рэкетиру этому!

И он горько-горько заплакал.

– Что здесь происходит? – строго спросил Кощей у подчиненного.

– Платить не хочет, – ответил стоматолог.

– Это же тот самый клиент, о котором я тебя предупреждал, – медленно, по слогам произнёс хозяин клиники, – а ты здесь цирк устроил, кретин.

– Извините, Егор Иванович, – испугался врач.

– Чтобы к завтрашнему вечеру у него стояли все зубы.

– Будет сделано.

Часть вторая

В некотором государстве... В России-матушке решили собраться цари-короли разные, чтоб помочь себе и другим выйти из экономического кризиса. Но не тут-то было! Кощей Бессмертный решил им помешать, но на защиту встали баба Яга, Леший, Домовый, Водяной, Кикимора и кот Баюн. Зимой в России замечательно. Снег, лёд и всё такое...

1

Санкт-Петербург. Константиновский дворец.

Константиновский дворец вылизывали к приёму высоких гостей вдоль и поперёк. Хозяйственные службы всё подкрашивали, всё подмазывали. Охранные – всё осматривали, всё проверяли. Работали не только сами, но и собак для этого дела привлекли.

Сказка у нас какая-то современная получается. Это, я думаю, нам не помеха! Так даже интереснее будет. Значит, в некотором... Ну, это я уже говорил. Это вы уже знаете... И задумал Кощей извести президентов, но не тут-то было! У президентов целый взвод охраны имеется, вот так-то!

2

На площадке перед дворцом выстроился взвод охраны. Бравый генерал давал последние наставления зычным голосом:

– Вы должны быть незаметными. Ни одна живая душа не должна вас видеть, а особенно журналисты. Иначе они на весь мир разглагольствуют о нашем непрофессионализме, а это, вы сами знаете, неправда. А достичь профессионализма мы можем только упорным трудом и каждодневными практическими занятиями.

Перед генералом стояло шесть человек, одетых в камуфляжную форму и раскрашенных в боевой раскрас, как индейцы, вышедшие на тропу войны.

Все они были крупные накачанные молодцы, прошедшие не одну боевую операцию, готовые в любой момент стать на защиту своей Родины, или, в крайнем случае, который наступил сейчас, стать невидимыми охранниками первых лиц государств – членов большой восьмёрки.

– Местность вы досконально изучили. У вас на это было время. И сейчас на практике я хочу проверить, как вы подготовились к вашей миссии. Ставлю задачу: Пока я досчитаю до десяти, вам нужно рассредоточиться и замаскироваться. Задача понятная?

– Так точно! – Дружно ответил взвод охраны.

– Тогда время пошло! – рявкнул генерал и отвернулся, – один, два, девять, десять!

Он быстро повернулся и осмотрел площадь перед Дворцом. Солдат на ней уже не было. Лишь в конце дальней аллеи стояла мороженщица возле ящика с мороженым и с отороженным видом оглядывала пустынную площадь и пустые дорожки. Генерал прищурил правый глаз и громко заговорил:

– Я иду искать! Кто не спрятался – я не виноват!

Он достал портсигар, вынул из него сигарету, не спеша раскурил её от зажигалки, спрятал портсигар с зажигалкой обратно в карман и, заложив руки за спину, пошёл по аллее.

– Разгуляев, сколько раз тебе говорить: не высовывай грудь вперёд – сейчас тебе никто ордена вешать не собирается!

Кусок куста отделился и поплелся к месту, где стоял ранее взвод охраны. А генерал продолжал своё победное шествие:

– Попелаца, эти его, ты б ещё «Писающим мальчиком» заделался с твоей фактурой! Что ты к девкам пристроился – они ж не живые!

Фигура, окруженная лесными нимфами, в центре фонтана зашевелилась, спрыгнула с пьедестала, и тоже направилась к месту первоначальной дислокации.

– А ты, Петров, ничего нового не мог придумать? Сколько тебя знаю, ты каждый раз то «травку», то «сугробик» изображаешь. Если к завтрашнему дню ничего нового не придумаешь, я тебя уволю без выходного пособия.

Посередине ровной площадки зашевелился снег, который, возвышаясь, превратился сначала в сугроб, а потом в одного из охранников. Он так же, понурился, направился к своим разоблаченным товарищам.

– Метёлкин, – остановился генерал, – хватит маячить у меня за спиной. Ближе подходить к объекту запрещено, а то его, если он вдруг тебя случайно увидит, «Кондратий» хватить может.

Откуда-то снизу за мощной спиной генерала появилось расстроенное раскрашенное лицо Метёлкина.

– Виноват, товарищ генерал, – и он последовал к остальным.

– А это уже хорошо, Пупков! Хвалю! Полное перевоплощение! Правда, ещё не до конца, если я тебя всё же заметил. Но уже лучше. Сегодня, вместо того, чтобы жрать макароны,

весь вечер будешь штудировать книгу Константина Сергеевича Станиславского «Работа над ролью», а я завтра проверю.

Из-за тонкого осветительного столба сначала появился живот, а потом огромное туловище Пупкова. Как оно там помещалось – неразрешимая загадка. Он, медленно переваливаясь с ноги на ногу, пошёл к разоблачённым товарищам.

– А это уже классика! – Генерал подошёл к мороженщице, закутанной с головы до ног в разноцветные платки, выложил перед ней тридцать рублей. – Евдокимов, если бы у тебя на плечах была «соображалка», а не пустой «казанок», ты бы сразу скумекал, что на этом сверхсекретном объекте не может быть торговых точек. Во-первых: потому что у президентов нет наличных денег. А во-вторых: потому что я не разрешу.

Мороженщица подняла голову на генерала. Большой серый шерстяной платок, прикрывавший лицо продавщицы мороженого, открыл его взору не Евдокимова, а уже известную нам артистку всех времён и народов Кики Морэ, то есть Кикимору.

– Вам какое? – поинтересовалась она тоненьким голоском, – ванильное? Крем-брюле? Или то и другое сразу? А деньги заберите, гражданин военный генерал. Не нужно.

– Вы кто? – от неожиданности изо рта генерала выпала недокурная сигарета.

– Кики, – ответила она и улыбнулась, – продавец мороженого фирмы «Петрохолод».

Утоляйте жажды голод! —

Вам поможет «Петрохолод»!

И она показала ему плакат, на котором были изображены полуголые девицы в купальниках, аппетитно поедающие эскимо на фоне океана, под разлапистыми пальмами.

– Съешь мороженого пачку,

Ты получишь...

– ...водокачку! – продолжил за неё генерал. – Как вы здесь оказались?

– Начальство приказало, чтобы мы обеспечили бесплатным мороженым обслуживающий персонал, пока идет подготовка к приёму гостей. А иностранным представителям наглядно показать, как у нас работает программа импортозамещения.

– Почему я не знаю? Почему мне не доложили? – возмутился генерал, – стойте здесь и не меняйте дислокации, а я всё сейчас выясню. И кое-кто за это получит у меня благодарность с занесением в личное дело.

Он лихорадочно достал переговорное устройство, и хотел было отойти в сторону, чтобы без посторонних ушей обматерить всех, кто пригласил без проверки неизвестную гражданскую личность на сверх охраняемый объект, но в этот момент из ящика с криком: «Банзай!» выскочил Евдокимов. Он прыгнул на плечи генерала. И они кубарем покатались по снежной дорожке. Через мгновение генерал лежал на спине, а Евдокимов был сверху.

– Сдавайтесь, товарищ генерал, – расплылся в довольной улыбке охранник.

– Хорошо! – хмуро согласился тот.

Шестой солдат взвода охраны лихо вскочил и отошёл в сторону, готовый, как и положено, за хорошую службу получить благодарность и внеочередную увольнительную в город. Генерал, молча, поднялся, отряхнул снег, и вплотную подошёл к Евдокимову:

– Это ты привлёк посторонних на объект?

– Каких посторонних? – Не сбрасывая с лица улыбочку победителя, поинтересовался охранник.

– Как каких? – потихоньку начал закипать генерал, – а вот этих! – И он повёл рукой в сторону ящика с мороженым.

– Не понял? – проследил Евдокимов за жестом генерала, – кого вы имеете в виду?

Генералу надоели пререкания, и он повернулся в сторону мороженщицы, чтобы, уже не стесняясь, разразится многоэтажным отборным матом. Но всё то, что он приготовился сей-

час выпалить одним махом, застряло в зубах. Ни мороженщицы, ни даже ящика он не увидел. Они испарились, будто их не было вовсе. Генерал растерялся:

– Не понял! Тут только что... – он резко оборвал свою речь, строго посмотрел на Евдокимова, – Евдокимов?

– Слушаю, товарищ генерал?

– Ты никого здесь не видел?

– Так точно! Никого! – отковырял тот.

– Ты ничего здесь не видел!

– Так точно! Ничего!

– Значит, и я ничего не видел, – сказал генерал, – Мы вместе ничего не видели.

– Так точно! – согласился Евдокимов.

– Тогда пошли к остальным!

Вот такие отважные ратники у нас в сказке присутствуют. А как же без них. Без них никак нельзя. И какой у них геройский генерал!

3

Санкт-Петербург. Частная клиника

В кабинете главного врача стояла гробовая тишина. Кощей обвёл сотрудников, сидящих за круглым столом, тяжёлым взглядом:

– С сегодняшнего дня наша клиника будет работать круглосуточно и в усиленном режиме. Составить график дежурств. Отгуливать будете после праздников. Подготовьте список сотрудников, которые будут обслуживать саммит. Его ещё нужно будет утвердить в соответствующих органах.

Сотрудники, молча, кивали головами. Кто-то быстро записывал за шефом всю его тронную речь.

– Надеюсь, всем понятна та ответственность, которую возложило руководство нашей страны на нашу клинику?

Сотрудники закивали ещё интенсивнее.

– Я закончил. Всем приступить к работе. Через час прошу принести готовые для подписи документы.

Все, как по команде, поднялись с мест и направились к двери.

– Артур Эдуардович! – Обратился Кощей к седовласому стоматологу.

Доктор остановился у двери, повернулся и подошёл в Кощею:

– Я вас внимательно слушаю.

Кощей дождался, когда из кабинета выйдет последний человек, затем, понизив голос до шёпота, приблизился к седовласому доктору:

– Артур Эдуардович, это вы курируете у нас связи с церковью?

– Да. Я. – Кивнул стоматолог.

– У меня родилась одна интересная идея. Мы можем хорошенько на этом заработать. За неё наши иностранные партнеры выложат кругленькую сумму, лишь бы насолить нашему верховному руководству.

– Что я должен делать, Егор Иванович?

– Прежде всего, связаться с Киевом.

Что он задумал? Но в чужую голову не залезешь и мысли не прочитаешь. Наверняка, какую-то пакость. Потом посмотрим, что будет.

Пригород Санкт-Петербурга

– И какой у них геройский генерал, Ягуша! Вся его израненная грудь в орденах и медалях. И все за боевые подвиги да за ратные дела. Я чуть не провалилась, глядя ему в его бездонные глаза! – Тяжело дыша, говорила Кикимора, – ещё чуть-чуть, и я бы еле успела ноги унести. – И добавила, мечтательно, – он бы меня отвёл в каталажку.

– А зачем ты – умница наша, – замурлыкал кот, – решила зимой мороженое продавать?

– А что же ещё? – заморгала Кикимора и посмотрела на домового, ища поддержки, – не газированную же воду. Я же не дура, я же знаю, что зимой вода замерзает – превращается в лёд, и пить её нельзя. Ведь, правда, Водяной?

– Правда, – кивнул он, – но лучше бы ты вместо мороженого по сто граммов наливала. Так правдоподобней было бы.

– Водку? – округлила глаза Кикимора.

– А хотя бы и водку, – ещё раз кивнул Водяной.

– Ни-ког-да! – гордо подняла она голову.

– Чего это вдруг? – удивился Леший.

– Я недавно вступила в тайное общество, – понизила голос Кика, – которое против водки.

Правда, Кузя?

– Правда-правда, – кивнул Домовой.

– Тайное общество? – испуганно оглянулся по сторонам Леший.

– Да, – загадочно произнесла Кикимора, – Только я постоянно забываю, как оно называется. Кузя, скажи им.

– Ага, – подтвердил Домовой, – общество анонимных алкоголиков.

– Так туда же записываются те, кто очень даже употребляет, – возразил Леший.

– Короче, – перебила их баба Яга, – Кика, что ты узнала?

– Ой, Ягуша, – зашебетала она, – они такие странные. Всё время в прятки играют. Солдатики прячутся, а генерал их ищет. Нет бы, делом заниматься.

– Это всё? – спросила баба Яга.

– Да! – гордо ответила Кикимора.

– Не густо, – вздохнула Яга.

– Нужно было меня посылать, – с легкой обидой в голосе произнёс кот. – Не так заметно и не так стрёмно было бы. Я бы более чем она, узнал.

– У тебя другая задача будет, Баюн, – как главнокомандующий, начала давать распоряжения баба Яга, – тебе нужно возвращаться в клинику и следить за Кошеем. Ты можешь сделать это лучше других.

– Это другое дело! Это мне подходит! А вы что делать будете?

– А нам нужно хорошенько подумать, как нам остановить Кощея, – заговорила баба Яга, – даже самая разохранистая охрана и та его не остановит. Поэтому нужно действовать нам.

– Но как? – поинтересовались все.

– Сначала предупредим их об опасности.

– Правильно, – согласился Водяной, – но это легко сказать, а как сделать?

– Так через охрану и предупредить, – предложил Леший, – по-своему личному опыту знаю, что связь у них налажена отлично. А уж они президентам быстро сообщат.

– Не подойдешь же ты к ним и не скажешь, что так, мол, и так, вашим подопечным угрожает смертельная опасность. Они моментально вас схватят и увезут далеко-далеко, спрячут глубоко-глубоко. И будут держать долго-долго, до тех пор, пока не выяснят: откуда у нас такая информация, – выпалил Домовой.

- Я пойду, – сказал Водяной, – у меня по части общения с вояками кое-какой опыт имеется.
- Ты что, служил в армии? – удивилась Кикимора.
- Да! Водовозом! В русско-турецкую войну под командованием генерала Скобелева. И водолазом в первую империалистическую под командованием адмирала Чухнина.
- Так ты – ветеран?! – с восхищением проговорила Кикимора, – а можно я напишу в своих мемуарах, что была лично знакома с героем войны?
- Кики, отстань от него, – попросила Яга, – потом он тебе фотографию на память подпишет, а сейчас некогда.
- А можно на эту карточку мы сфотографируемся вместе? – попросила она.
- Можно! – махнула рукой Яга, – только потом. Когда с делами управимся.
- Хорошо, – согласилась счастливая Кикимора, – только не забудьте своего обещания!
- Что ты предлагаешь? – обратилась Яга к Водяному.
- Через горючую жидкость, коей у меня не меряно, я вхожу в контакт с генералом – руководителем специального взвода охраны, – начал выкладывать свой стратегический план Водяной, – доведу его этими напитками до нужной кондиции, затем мы вместе сообщаем его руководству всё, что нам надо. А после выпитого, занимаем круговую оборону. И стоим до последнего.
- Если к этому моменту ещё сможете стоять... – продолжил Домовой.
- Тогда будем лежать до последнего, – улыбнулся Водяной.
- Идёт, – согласилась Яга, – тем более что альтернативы у нас всё равно нет. Теперь главный вопрос: как нам победить Кощея? Никто из нас этого сделать не сможет. Духу не хватит. Нам нужен герой.
- Ягуша, он у нас есть! – гордо произнесла Кикимора.
- Кто это? – недоуменно спросили все.
- Как кто? – Возмутилась Кикочка, – Герой войны, участник военных действий, ветеран, орденосец и медалист, наш дорогой и всеми любимый... – и она сделала паузу, ожидая ответ.
- ...Леонид Ильич Брежнев! – закончил вместо неё Леший.
- Все засмеялись, а Кикимора надула губки:
- Я серьёзно, а вы вечно шутите. Я имела в виду нашего Водяного.
- Кикочка, спасибо, конечно, за доверие, – поблагодарил её Водяной, – но я не справлюсь – старый уже. Силы не те. Нам богатырь нужен!
- Все призадумались.
- Да, – вздохнула баба Яга, – богатырь. Но где его взять в наше время, богатыря эдакого?
- Будем искать! – Сказал Леший.
- Ой! А я знаю трёх богатырей! – снова воскликнула Кикимора, – Алёша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец.
- Молодец, Кикочка! – похвалил её Леший.
- Откуда такие познания? – удивился Домовой.
- Сказку читала... – засмушалась Кикимора.
- Только где они сейчас? – почесал затылок Леший.
- Сгнули, Родину защищая! – снял шапку Домовой.
- Все последовали его примеру и снимали головные уборы.
- Нет, – после минутной паузы сказал Водяной, – один остался. Не сгинул.
- Кто? – спросили все.
- Илья Муромец.
- Да ты что? – обрадовался Леший.
- Где же он? – заволновался Домовой.
- В Киеве, – со знанием дела ответил Водяной.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросила Яга.
– Из справочника «Путеводитель по Древнему Киеву. От Иерихона до Днепра», изданный во Львове. Там всё написано, как Иисус Христос в украинской семье воспитывался, когда на двадцать лет куда-то исчез. Как Илья Муромец Киев златоглавый защищал и как любил украинский язык.

– Он что, в Раде заседает? – наивно спросила Кикимора.

– С чего ты взяла? – спросил Домовой.

– Только там украинский язык и Киев защищают, – ответила она.

– Нет, – вздохнул Водяной, – он в Киево-Печерской лавре лежит.

– Что? – всплеснула недовольно руками Яга, – вот лежебока! Снова спать завалился?

– Не совсем... – замялся Водяной.

– Что «не совсем»? – переспросила Яга.

– Ну, не совсем спать.

– А как тогда?

– Помер он.

– Час от часу не легче! – вздохнули все.

Домовой снова снял шапку. Все последовали его примеру. Помолчали.

– Его забальзамировали, – продолжил Водяной, – мумию, значит, сделали. И там положили на всеобщее обозрение.

– Значит, и этот не помощник! – махнула рукой баба Яга.

– Ну, почему же, – возразил Водяной, – его оживить можно.

– Как это? – спросили все.

– А живая вода зачем? Водяной я или нет!

– Правильно! – обрадовались все.

– Вода в наличии имеется? – поинтересовалась Яга.

– Обижает! И живая, и мёртвая, – кивнул Водяной, пошарил по карманам и выудил из них две маленьких бутылочки со светящейся жидкостью внутри. Передал их бабе Яге, – Ягуша, они подписаны, так что думать-гадать не придется. Как пользоваться – сама знаешь.

– Значит, едем в Киев, – подвела итог беседы баба Яга, – будем оживлять Ильюшеньку Муромца.

– Ой, как интересно! – захлопала в ладоши Кикимора.

– Как добираться будем? – перебил, неподходящий в данной ситуации восторг Кикиморы, Домовой.

– Я – на метле, – ответила баба Яга, – могу кого-нибудь одного взять с собой.

– Кикочку возьми, – предложил Домовой, – быстрее будет.

– А я сам два раза обернусь, а на третий – в Киеве окажусь, – сообщил Леший.

– Ну, а я, как всегда, – на самолёте, – вздохнул делано Домовой.

И в сказке не обойдешься без технического прогресса. И в сказках волшебных средств на всех не хватает. Правда, техника иногда подводит. Она ж не волшебная! Самолёты вовремя не отправляются или прилёт задерживается.

5

Санкт-Петербург. Аэропорт «Пулково».

– К сведению встречающих, рейс ЭХ 101 из Москвы задерживается на двадцать минут, – полился мелодичный голос по всему аэропорту, который гудел, как большой муравейник.

Входившие в здание люди, проходили через «металлоискатели», выкладывая на столик ключи и мобилки. Кто забывал это сделать и звенел, того вежливо задерживали и просили освободить карманы и пройти ещё раз, и ещё раз, и ещё раз до полного их удовлетворения.

Домовой прошел проверку без проблем и оказался внутри здания аэровокзала. Он остановился в зале для прилётов, чтобы изучить схему расположения помещений. Ему нужны были билетные кассы, которые, как было показано на схеме, располагались на втором этаже. Он собрался было пройти к лестнице, направляясь к кассам, чтобы приобрести билет в Киев на ближайший рейс, как вдруг услышал за спиной знакомый шепелявый голосок:

– Ну, это ж надо, штоб шамалёты и в такую погоду опаждывали! Шолнше шветит, вьюги и метели штороной Питер обходят, а они жадерживаютшя! Управы на них нет!

Домовой медленно повернулся и увидел Соловья-разбойника, который, задрав голову вверх, изучал светящееся табло прибытия самолётов.

– Интересно-интересно! Кого он здесь дожидается? – Подумалось Домовому. – Никак в Питер подмога Кощею прибывает. Но кто? И сколько? Нужно это выяснить. Киев, я думаю, может подождать. Там есть, кому и без меня управится.

Он, стараясь быть незамеченным, боком прошмыгнул сначала за угол, потом, перескакивая через одну-две ступеньки, проскочил на второй этаж и уже там выбрал место, откуда просматривался весь зал прибытия, который располагался на первом этаже. Домовой видел, как Соловей-разбойник от нетерпения переступал с ноги на ногу. Через пять минут ему надоело танцевать на одном месте. Он покрутил головой по сторонам и остановил свой взгляд на втором этаже, на котором располагались кафешки, магазинчики, киоски, бары и Домовой. Направился туда же. Последний, чтобы не столкнуться лбом с противником, отошел вглубь и примостился за колонной у огромного окна, выходящего на взлётные полосы, за которым виднелись прилетающие и отлетающие авиалайнеры. Из своего укрытия он видел, как через мгновение со стороны лестницы появился Соловьёв. Разбойник пошарил глазами по торговым точкам, выбрал бар и направился к нему. Очередь была небольшая. Он пристроился в самом её конце. Стоял, молча, лишь изредка бросая взгляды на табло, которое сообщало о времени прибытия самолетов.

6

– А вот и я! – сначала услышал Домовой, а потом увидел, прыгнувшего ему на руки, кота, – Успел. Он же на машине в аэропорт помчался, а мне пришлось на своих двоих сюда добираться. Хорошо, что я услышал, как он водителю сказал, куда направляется, а так я бы его потерял. Он сел и поехал, а я, как спринтер, через дворы, через мосты, через буреломы, через буераки пехом. Мне за вредность молоко положено.

– Ну, допустим, вредность у тебя в характере терпимая, так что обойдёшься без молока. – Ответил ему Домовой. – А ты случайно не знаешь, кого он здесь встречает?

– Случайно, знаю, – ответил кот, – из слов Кощей я понял, что встречает он какого-то крутого агента. Из самой заграницы. Тамошняя помощь от ихних вурдалаков и вампиров нашей местной нечисти. Он его так перед Соловьём расхваливал, как будто этот агент ему родственник какой.

– Вот что значит двойные стандарты! – Возмутился Домовой.

– Что ты имеешь в виду? – Поинтересовался Баюн.

– Как наш Кощей ихними зомби возмущался, а сам к ним за поддержкой обратился.

– Пятая колонна, что и говорить! – Вздохнул кот, – они же всегда за чужие деньги нашей тяжелой жизнью возмущаются.

– Сейчас поглядим, кого они прислали.

– Тебе, Кузьма, придётся со мной остаться, – попросил кот, – я без машины за ними не поспею, когда агент появиться. А вдвоём, сам понимаешь, сподручнее.

– Хорошо, – согласился Домовой.

Очередь дошла быстро. Соловей жадно рассматривал бутерброды и, показывая на них пальцем, делал заказ бармену. Тот сноровисто выкладывал их на тарелочку. Они видели, как разбойник хищно облизнулся, потом замер. Далее на весь этаж был слышен его срывающийся голос:

– Грабители! Штоб вы вшю жижнь одну баланду хлебали, а не шишбургеры ш гамбургерами. Это ж нужно придумать такое, штоб жа шетыре нещашных бутерброда шелых шешот рублей жаплатить.

Он кричал, плевался, размахивал руками.

– К сведению встречающих: рейс ЭХ 101 из Москвы из-за погодных условий задерживается ещё на тридцать минут, – пронеслось по всему залу из репродуктора, и заиграла медленная музыка.

Сделав паузу в крике на прослушивание этой информации, Соловей-разбойник, разразился воплями ещё пуще.

– Ещё на тридцать минут?! Иж-жа погодных ушловий? Штоб вы вше шо швоими жадержками никогда не могли вжлететь, а потом прожемлитша. Штоб ваш отправили в вешный полёт беж вожвращения! Мало того, што обещають привезти в одно время, а доштавляють в другое, так ещё и обдирають шешной народ, как липку. У-у-у, ижверги!

Пассажиры – будущие и бывшие, провожающие и встречающие останавливались и смотрели вслед недовольному типу. Кто сокрушенно, а кто сочувствующе, кивали головами. А он продолжал:

– Это ж уму не раштижимо: школько шейщас билет штоит! И никто не обещает выполнить ушловия. Вот потому эти шамолёты и падают шерез один. Вы только пошмотрите школько их шейщас не прилетело! Видите? Ага!!! Вы шпрошите пошему? Да потому што от наш правду шкрывают, голову морошат, штоб паника в аэропорту не нашалашь.

Вокруг него постепенно начала собираться любопытствующая толпа народа. С тревогой переглядываясь между собой, люди внимательно слушали странного митингующего. И те, кто хотел услышать причину задержек, и те, кто хотел просто убить время.

– Наверняка, парощку шамолётиков шегодня не дочитаемшя. Готовтешя жавтра траурные рещи шлушать и трупики полушать.

Пару женщин грохнулось в обморок. А одна упала на колени и запричитала:

– Ой, на кого ж ты нас покинул, соколик наш ласковый!

После этих слов ещё две ушли в нирвану.

– И никто ни за што не отвешает, – возмутился Соловей-разбойник, – шейщаш шами вше ушлышите, но перед этим музыку похоронную послушать вам дадут.

И тут же из репродуктора зазвучала медленная мелодия. Все застыли в ожидании. Раздался щелчок и нежный вкрадчивый женский голос объявил:

– К сведению встречающих, рейс номер ЭХ 101 из Москвы, наконец, произвёл посадку в аэропорту Пулково.

Соловей-разбойник замолчал, посмотрел на окруживших его людей. Они тут же принялись, опустив, молча, головы, расходиться в разные стороны.

– Наконеш-то, – произнес он и пошёл к лестнице, чтобы спуститься в зал ожидания на первом этаже.

8

– Я за ним, – предложил кот, – а ты, Кузя, пока организуй машину, что бы мы могли сразу же за ними увязаться.

– Хорошо, – согласился Домовой.

Кот спрыгнул на пол и помчался догонять разбойника, а Кузьма отправился ловить такси.

9

Через стеклянные двери было видно, как к зданию аэровокзала подъехал автобус с пассажирами. Они выпрыгивали в открытую дверь и заходили внутрь, растекались в две стороны и уже двумя потоками оказывались в зале ожидания. Кого-то из них встречали, а кого-то нет. Кто-то обнимался-целовался, а кто-то сразу проскакивал на улицу. Народу в зале становилось всё меньше и меньше, а того, которого встречал Соловей-разбойник – не было.

– Может, другим рейсом прилетит, – подумал кот, – а этот идиот всё перепутал?

И в этот момент из двери показался элегантный молодой человек. Одет он был в длинное белое пальто и широкополую белую шляпу. На плечах, обвив шею несколько раз, болтался красный шарф. В руках он держал небольшой чемоданчик из крокодиловой кожи.

Он картинно остановился посередине зала ожидания, принял художественную позу и улыбнулся обворожительной улыбкой Джеймса Бонда.

– Это он! – сразу догадался кот.

– Это ты? – спросил у него Соловей-разбойник.

– Yes! – сверкнул золотой фиксой агент и протянул Соловью-разбойнику чемоданчик, чтобы тот исполнил обязанности носильщика.

– Штупай жа мной! – Распорядился последний, проигнорировав чемоданчик, повернулся и пошел прочь из зала, показывая приехавшему гостю дорогу.

– Фи, как не культурно! – С легким акцентом произнёс тот, – надеюсь, ваше руководство не такая дремучья дерьвеня, как ви?

– Што ты шкажал? – повернулся разбойник.

– That's all right! Ничего! – вздохнул иностранец и снова растянул рот в улыбке.

– Мне шкажали, што ты клашный агент...

– Yes! Перввий класс! – закивал головой агент.

– Не похоже, – обломал его встречающий, – машина ждёт, можно ехать.

Лихо закручивается сюжет! Теперь понятно, что Кощей своими силами уже управиться не сможет. Заграничные силы в помощь прибыли. И такое бывает!

10

Пригород Санкт-Петербурга

– Ну, бывайте! – сказал Леший, повернулся вокруг себя, чихнул.

Второй раз повернулся быстрее, снова чихнул, а после третьего раза вообще исчез, будто его и не было вовсе.

– Он раньше нас в Киеве будет. Всё там разузнает, всё разведает. А там и мы поспеем, – произнесла баба Яга и тихонько свистнула.

– Ой, Ягуша, – пропищала Кикимора, – я так давно не летала. Боюсь, голова у меня закружится, тошнить будет. Нужно было мне с Кузей самолётом лететь.

– Не тошни, Кикочка! Давай пошевеливайся, – распорядилась Яга, – на метле мы быстрее, чем твой Кузя, будем.

– Почему? – спросила Кикимора, – самолёт ведь реактивный – это я точно знаю. Он быстрее твоей метлы будет.

– Может быть и быстрее, – согласилась баба Яга, – вот только таможеню он будет проходить невесть сколько.

– Ничего подобного, – возразила Кикимора, – когда туда – быстро, а вот когда обратно – вот тогда долго.

– Это почему же? – удивилась баба Яга.

– Мне по большому секрету сказали, что украинские таможенники боятся, как бы мы от них последний газ не увезли. Вот и проверяют тщательнее.

– Это ерунда полная, – пожала плечами Яга, – как можно увезти то, чего у них, отродясь, не было. В общем, Кикочка, мы без таможни обойдемся. По воздуху и прямо на площадь ихней Незалежности.

– Замечательно, – захлопала Кикимора в ладоши, – как Пруст на самолёте на Красную площадь! Вот шуму будет на весь мир. И из-за нас президент Украины, наконец, сможет поснимать всех своих неугодных министров во главе со своим премьером.

– Типун тебе на язык! Нам шума не надо. Мы по-тихому, чтоб никто не заметил. А что до премьера, то он уже сам сбежал, чтоб не отвечать за кредиты, которые президент себе забрал.

В этот момент с неба со свистом свалилась метла. Упала рядом с бабой Ягой.

– Всё! Сколько можно лясы точить? – Яга подняла метлу, – видишь – метёлочка моя прибыла – пора взлетать.

Она перевернула метлу вверх помелом, стукнула оземь держакон. В руках у неё после этой процедуры оказалось две метлы.

– Держи! – и она передала Кикиморе второй экземпляр волшебной метлы. Та, боязливо, взгромоздилась сверху и посмотрела на бабу Ягу, ожидая дальнейших указаний.

– Что нужно сказать в дорогу? – словно у маленького ребёночка, спросила Яга.

– Ни гвоздя, ни жезла? – ответила Кикимора.

– А если хорошо подумать, дура старая? – вздыхая, спросила Яга.

– Ну, почему старая? – надулась Кикочка.

– Потому что только на старости лет склероз развивается.

– А, может, у меня память девичья, – начала оправдываться Кикимора.

– Короче, Кика, что говорить надо? – уже строго произнесла баба.

– Что – что? – пожала плечиками Кикимора, – не помню.

– Сейчас метлой стукну! – пообещала недовольная баба Яга, – хватит придуриваться.

– Вспомнила! «По-е-ха-ли»!

– Ну, наконец-то! – выдохнула довольная баба Яга.

И они дружно сказали по слогам:

– По-е-ха-ли!

Мётлы дернулись и взметнулись вверх, увозя своих седоков.

– Он сказал: «Поехали!»

И взмахнул рукой... – загорланила Кикимора, —

Словно вдоль по Питерской,

Питерской пронёсся над землёй!

– Рот закрой! – прокричала баба Яга, стараясь перекричать разгулявшийся вверх ветер, – а то простудишься!

11

Кикимора примолкла и сосредоточилась на полёте. Они пересекли город Санкт-Петербург как раз посередине. Внизу проплывали дома, речки и каналы. Промелькнула Петропавловская крепость, Нева, Дворцовая площадь с Зимним дворцом, Казанский собор, Кировский завод. В районе Пулково их догнал какой-то самолёт, но они на него даже не обратили внимания. Поднялись ещё выше и удвоили скорость.

– Я – Гарри Потер! – с восторгом закричала Кикимора, – С ума сойти можно! Лишь на белорусской границе они устроили настоящий переполох.

12

Минск. Министерство обороны Белоруссии.

На экранах радаров у последних сначала появились неопознанные летательные объекты, вызвав нервную напряженность дежурных генералов, а потом недоуменные вопросы:

– Что это такое?

Оба НЛО на мониторах очень напоминали кремлёвские светящиеся рубиновые пятиконечные звёзды.

– Бацька, – докладывал главному в стране главный дежурный генерал, – звёзды приближаются. Что делать? Сбивать?

– Ни в коем случае, – отвечал главный в стране, – наконец, свершилось то, о чем я всю жизнь мечтал. Кремлевские звёзды повернулись к нам лицом. Всему личному составу приготовиться к торжественной встрече. Срочно весь белорусский народ вывести на улицы. Обеспечить всех цветами, транспарантами, красными флагами и прочей парадной мишурой. Мы примем их гостеприимно, по-белорусски. С хлебом и солью.

Но в этот момент звёзды резко рванули вперед и исчезли с экранов.

– Бацька, – снова заговорил обескураженный дежурный генерал, – Звёзды ушли в сторону Украины.

– Не може быть? – расстроился Главный в стране, – опять хохлы нас обскакали. Надо будет завтра заявление по телевидению сделать, что мы тоже на днях в НАТО собираемся вступить, может, тогда и нас станут замечать.

13

А в воздухе, хоть и летели они на юг, заметно похолодало.

– Ягуша, – запричитала Кикимора – давай на минуточку вниз спустимся?

– Зачем? – недовольно спросила та.

– Тяжело мне с непривычки, – начала оправдываться Кикимора, – а от холода руки в крюки превратились. Не удержу метёлочку, если не передохнём чуток.

– Ну, ладно! – согласилась Яга, и первая направила метлу на землю.

Кикимора последовала за ней.

14

Приземлились они мягко в высокую-превысокую зелёную траву, которая пучками торчала из-под снега.

– Ой, как странно! Зелёная травка и зимой! – пришла в восторг Кикимора.

– Да, – согласилась Яга и с подозрением огляделась вокруг, – очень странно. Кикочка, давай быстрее отдыхай, и полетели дальше. Не нравится мне что-то здесь.

– А я что делаю, – заморгала Кикимора, – Видишь – расслабляюсь. Мне бы ещё массаж конечностей сделать для полного удовлетворения.

– Это тебе не «Салон красоты», дорогая, – нетерпеливо пробормотала Яга, – без массажа обойдешься.

– Жаль, – согласилась Кики, – но ничего не поделаешь.

Она сморщила лобик, но вдруг чуть поодаль увидела огромных размеров поляну, на которой расцвели ярким бело-зелёным ковром подснежники.

– Ой, смотри, Ягуша! Красота-то, какая?!!

– Вижу. Что с того?

Она подбежала к поляне и с разбега плюхнулась в цветы, раскинув руки:

– Приземлённая ты, Ягуша. Нет в тебе никакой романтики. Одна сплошная бытовуха! – Она перевернулась на живот и продолжила, – давно я не вдыхала такие очаровательные ароматы!

– Ты не отвлекайся на ароматы, – попросила её Яга, – ты на полёт настраивайся!

– А я что делаю? – приподнялась Кикимора и села среди цветов.

И снова её внимание привлекла другая полянка.

– Смотри-смотри, – завизжала она от восторга и захлопала в ладоши, – Ягуша! Среди зимы, среди мороза, среди снега на полянке ягодки. Фантастика!!! В Париже они бешеные деньги стоят, а здесь просто так растут. Ешь – не хочу!

Она рванула к следующей полянке. Остановилась посередине. И, как Европа, выходящая из пены, подняла вверх руки.

– Да! – сказала она, – Украина – богатая страна, если даже зимой такие чудеса случаются.

И она пригоршнями начала запихивать ягоды в рот.

– Вкуснотища! – обомлела она от удовольствия.

– Долго ты ещё жрать всякую гадость будешь? – услышала она далеко-далеко голос бабы Яги, который моментально вернул её в реальность.

Заглотив последнюю ягодку, Кикимора встала, в кармашке своей длинной юбки нашла маленький носовой платочек, обтёрла им губки и ответила:

– Ты знаешь, Ягуша, я отдохнула. И физически, и морально.

– Тогда, поехали?

– Угу! – Согласилась Кикимора, села на метлу и громко вслед за бабой Ягой произнесла:

– По-е-ха-ли!

Они снова взметнулись в небо, оставив внизу поле чудес, на краю которого стоял указатель с одним словом: «Чернобыль».

15

Киев. Крещатик.

Площадь Независимости, которая разместилась в центре Крещатика у здания Главпочтамта, была, как всегда, полна народа. Здесь разместилось около полусотни разноцветных палаток. И голубых, и розовых, и красных, и оранжевых, даже зелёных и коричневых. Над каждой из них возвышались желто-голубые государственные флаги и портреты лидеров движения. Самый большой – большому борцу за государственную независимость Украины – Бандере.

Со всех концов площади звучали заводные песни в исполнении Верки Сердючки. Но никто не танцевал, не подпевал, а, молча, готовился к активным политическим действиям.

В разгар политических дебатов, когда у красной, розовой и коричневой палаток до предела накалились страсти, среди митингующих, появился Леший. Но никто не заметил прибав-

ления ещё одного члена в своих рядах. За какую из партий он здесь стоял – никого это не волновало, главное, чтобы, возле выступающих было много народа, чтоб потом перед спонсорами они могли отчитаться по количеству присутствующих на митинге.

Все были заняты отстаиванием своей правоты и раскрытием неправоты своих антагонистов. Эта работа была поставлена на широкую ногу, потому что другой работы на Украине вообще не было.

– Я всех предупреждал, – выступал один кулачный спортсмен, стоящая у палатки, – что президент наш – не Майкл Тайсон, а Майкл Джексон. Такие «па» выделявал! А всё для того, чтоб на двух стульях усидеть. И вот результат. Растяжение получил в районе нижнего таза!

– До-лой, Рас-тяж-ку! – начал скандировать народ.

– Да и не президент он вовсе, а Билл Гейц, – продолжает кулачный спортсмен, – за три года самым богатым олигархом стал.

– А-а-а! – Заволновался народ.

– И все сам, своим умом, во благо отечества себе капитал в десять раз увеличил!

– У-у-у! – Прозрел от этого сообщения народ.

– А вы знаете, як називають нас кацапи? (А вы знаете, как называют нас русские?) –

Спросил с другой стороны человек в камуфляжной форме со свастикой на рукаве, стоящий у коричневой палатки.

– Ні! (Нет!) – Отвечал ему тот же народ.

– «Хохлами»! – возмущенно ответил человек.

– Гань-ба! Гань-ба! (По-зор! По-зор!) – начал скандировать народ.

– Де наша українська гідність? (Где наша украинская гордость?) Геть москалів, жидів та інших російських запродавців! (Прочь, ну, вы поняли кого!) – впал в истерику человек в камуфляже.

– Гань-ба! Гань-ба! – вторил ему всё тот же народ.

– Слава Україні! (Слава Украине!)

– Слава мне – херую! – гудел народ, вынимая из карманов «коктейли Молотова», и, положив руку на сердце, запил «Ще не вмерлу Украину».

– Фашизм не пройде! – вступили в дебаты у красной палатки.

– Не пройде! – соглашался этот же народ.

– Нет – коричневой чуме, в какие бы одёжки она не рядилась! – сказал коммунист и показал на человека в камуфляжной форме.

– Нет! – повторял народ и плевался в сторону коричневой палатки, размахивая красными флажками, – у нас бандеровцев нет!

– Мы будем строить коммунизм в отдельно взятой Украине.

– Ура! – Поддерживал народ.

– Каждому олигарху – отдельную камеру, – предлагали у красной палатки.

– О-о-о! – неистовствовал народ.

– Каждому индивиду – двуязычный государственный язык!

– А когда о зарплате скажете, – перебил всех мужик, стоявший в центре митингующих, и народ мигом замолчал, – Пролетариат интересуется, когда вы собираетесь выплатить обещанное вознаграждение за держание плакатов и выкрикивание лозунгов?

Народ, молча, закивал головами в знак согласия.

– А то от голодухи руки с транспарантами опускаются. Неровен час ещё уроним кого-нибудь из вас. Конфуз получится.

– Упаднические мысли – это неверие в светлое будущее Украины! – заголосил кулачный спортсмен, – Не поддавайтесь на провокации, иначе я вызову вас на поединок.

– А я казав! А я попереджав! Ось бачите, що с цього вийшло? Сепари! Ватники! Совки! (А я говорив! А я попереджав! Вот видите, что из этого вышло?) – Закричал человек в камуфляжной форме, – все це витівки Москви! (Всё это происки Москвы).

– Побойтесь Бога, – продолжил строитель коммунизма, – вчера только выплатили. Давайте хоть через день, товарищи?

– Семьдесят лет обманывали, – не успокоился народ, – и сейчас обманите.

– Обещаем всем выплатить, – прокричал кулачный боец, – после того, как меня президентом выберете!

Но его быстро облили жидкостью из огнетушителя.

– Вот тебе крест святой, – перекрестился коммунист, – не сойти мне с этого места до выборов меня в президенты.

– А комуністи в бога не вірять! – крикнув знова человек в камуфляже, показывая пальцем на своего политического противника.

– Это русские коммунисты не верят, а украинские – даже очень, – не унимался красный партийный лидер, – Раскулачим президента и сразу выплатим.

– Ладно! – Согласился мужик, – тогда сегодня пойдём у Рошенка просить. Он побогаче всех будет. Он и вашим, и нашим платит. Но если завтра снова денег не дадите, мы за вас больше не будем бастовать.

– Запад нам поможе, – продолжал кричать им вслед человек в камуфляжной форме.

Но толпа народа, аккуратно сложив у палаток транспаранты – завтра ведь они снова понадобятся, переместилась на другую сторону площади, оставив остывать от политических баталий непримиримых классовых врагов, где сразу принялись кричать:

– Сво-бо-ду Юле! Сво-бо-ду Юле!

А худенький помощник лидера партии быстро замахал руками:

– Что вы, громадяне, Юле «Свобода» не нужна. У неё другая партия.

У Лешего представилась возможность задать вопрос, который волновал его со времени появления на этой площади.

– Скажите, пожалуйста, – обратился он к человеку в камуфляжной форме, – как пройти в Киево-Печерскую Лавру?

– Що? (Что?) – переспросил тот.

– Вы не подскажите, как мне попасть в Киево-Печерскую Лавру? – повторил Леший.

– Я не розумію, що вы кажете? (Я не понимаю, что вы говорите.) – ответил ему тот.

– Я у вас русским языком спрашиваю: где находится Лавра? – теряя терпение, ещё раз спросил он.

– А я вам українською відповідаю, що не розумію вашої москальської мови. (А я вам украинским отвечаю, что не понимаю ваш московский язык).

– Большое спасибо! – поклонился ему Леший.

– На здоров'ячко! (Пожалуйста!) – поклонился в ответ лысый.

Леший подошел к коммунисту:

– Товарищ, может быть, вы знаете, где находится Лавра?

– Что вы этим хотите сказать? – прищурил глазки лидер красных в ожидании очередного подвоха, – Мы, коммунисты, признаём некоторые перегибы в отношении религии, но сейчас на все богослужения со своим народом ходим, коллективные пожертвования ежемесячно производим, все церковные праздники культурно отмечаем.

– Да я не про это... – замаялся Леший.

– Вы не про это? – снова насторожился главный коммунист, – А мы про это! И только про это. Мы вернули православной церкви наш исторический музей – Киево-Печерскую Лавру.

– Вот туда я и хочу попасть, – взмолился Леший, – укажи дорогу!

– А дорога у нас одна, дорогой товарищ, – в коммунизм!

– Нет!!! – категорически запротестовал Леший, – мне поближе надо – в Лавру!

– Не слушайте их, лучше послушайте меня, – он ощутил на своем плече прикосновение чьей-то тяжелой ручки, – вы сейчас находитесь на площади Ленина, немного пройдёте по Крещатику, свернёте на улицу Советскую, пройдёте по бульвару Красных партизан до парка имени Щорса... – это говорил коммунист.

– Не слушайте його, (не слушайте его) – вдруг подскочил к нему человек в камуфляжной форме и начал тарыхтеть, – зараз вы знаходитесь на Майдані Незалежності (Сейчас вы находитесь на Площади Независимости), трошки пройдіть по Хрещатику (немного пройдите по Крещатику), далі поверніть на вулицю Симона Петлюри (далее поверните на улицу Симона Петлюри), пройдіть по бульвару Бендери (пройдите по бульвару Бендеры) до парку героїв армії СС «Галичина» (к парку героев армии СС «Галичина»)..

– Всё! Достаточно, – остановил этот поток патриотического красноречия Леший, – я всё понял. Спасибо! Дякую! Мерси! Сенкью! Аригато! Тэшэрюр эдерим!

И, решив больше ничего ни у кого не спрашивать, быстро пошёл по лабиринту палаточного городка.

– Я вашу Лавру и без вас найду!

А чего её искать-то? Вот она – красавица! По всему миру славится.

16

Киев. Киево-Печерская лавра

Киево-Печерская Лавра сверкала золотыми куполами восстановленного Храма Успения Пресвятой Богородицы. Белые стены сливались по цвету со снегом и били в глаза своей резкой белизной. Снег искрился от яркого зимнего солнца, своим сиянием создавая не проходящее праздничное настроение.

По широкому двору мужского монастыря сновали темные фигуры стройных монахов, но даже их черные наряды не портили той торжественной атмосферы, царившей в этой Богом выбранной обители.

Кроме иноков, по двору маленькими группками передвигались разноцветные туристы, коих сюда привозили пачками помногу раз в день.

Сейчас здесь находились развязные африканцы, для которых эта святыня ничего не значила, и они не понимали, зачем их сюда доставили, ведь ни в одном из помещений Лавры они даже маракасов не увидели, не то, что тамтамов, чтобы справлять религиозные ритуалы.

Прижавшись, друг к дружке, словно одно целое, у входа в церковь стояли японцы, заворожено разглядывая огромные фрески, написанные гениальным Васнецовым. Они кивали им головами и, сложив ручки на груди, талдычили:

– Коннитива, о-гэнки дэс ка?

Это они по-японски лепечут: «Здравствуйте, как дела?»

Немцы, помня Сталинград, напялили на себя множество одежек и теперь, не боясь холода, вальяжно разбрелись по двору, каждый разглядывая только ему приглянувшуюся реликвию. С интересом фотографировали её, чтобы потом показать соседям, хвастая своими познаниями славянской истории.

17

Бабе Яге и Кикиморе не пришлось, как Лешему, узнавать, где находится Киево-Печерская Лавра. Ещё издалика, на подлёте к Киеву на берегу Днепра они увидели её белоснежное сияние. Сделав лихой разворот, они пошли на посадку.

18

Приземлились в маленьком дворике, окруженном одноэтажными белеными зданиями и низким забором. К-счастью, во дворе никого не было, поэтому их появление никто не заметил.

Баба Яга приняла из рук Кикиморы метлу, перевернула её и свою вверх помелом и стукнула оземь. Из двух мётел в руках у неё оказалась одна. Оглянувшись по сторонам, она пристроила её под деревом, припорошив снегом.

Они повязали на головы платки и прошли под аркой, которая вывела их на площадь перед церковью.

19

– Извини, мил-человек, – остановила за рукав баба Яга шедшего мимо них молодого монаха, – не подскажешь ли ты паломникам земли Муромской, где покоятся мощи Святого Ильи Муромца, что бы смогли мы припасть к ним и помолиться.

– Ступайте в Ближние пещеры, сёстры, – ответил он, – там Илья Муромец и покоится.

– А правда, мил-человек, – вдруг вступила в разговор Кикимора, – что вы никогда не женитесь?

– Правда, – недовольно, но вежливо ответил монах.

– Но почему, – удивилась Кикимора, – такой красивый молодой братец и не женится? Ай-я-яй!

– Мы служим Господу нашему, – склонил голову он.

– А нам, несчастным сестричкам, что прикажете делать? – вздохнула Кикочка, – так все люди на земле переведутся.

– Ну, одно другому не помеха, – сказала баба Яга и оттащила Кикимору от удивленного служителя церкви, – можно и служить хорошо и детей успевать делать. Было бы желание.

– Правда? – Обрадовалась Кикимора, освободилась от объятий бабы Яги и подскочила к монаху, – А что вы сегодня вечером делаете, братец мой?

Монах отшатнулся от неё, как от безумной, перекрестился и быстрым шагом зашагал прочь подальше от странных «паломниц».

– Куда же ты? Не покидай меня, соблазнитель! – услышал он напоследок и заскочил в первую попавшуюся дверь.

– Хватит паясничать, Кика! – строго вычитала её баба Яга, – не затем мы сюда прилетели, чтоб глазки монахам строить. У нас, если помнишь, есть дело важнее.

– Сама сказала, – возразила Кикимора, – что одно другому не помеха.

– Пошли! – Подхватила Яга Кикимору за руку и потащила к входу в пещеры.

Здесь уже собралось немало народу. Все стояли в ожидании гида. Африканцы, японцы, немцы и две небольшие группки россиян. Яга и Кикимора пристроились к россиянам.

– Куда же Леший запропастился? – вдруг спросила Яга.

– Наверняка, где-нибудь трудиться над продолжением рода, – поджав губки, ехидно ответила Кикимора.

Часть третья

Наши герои отправились на поиски того, кто сможет победить Кощея. Кто на разведку, а кто и просто в логово врага. Чем всё закончится? Пока неизвестно. Сказка ведь современная. В ней конец непредсказуем.

– Так, где же Леший? – поинтересовалась в конце второй части баба Яга. А Леший – бедняга в это время шёл совершенно в другую сторону...

1

Киев. Андреевский спуск.

А Леший в это время шел по забитому коробейниками Андреевскому спуску в сторону Подола. Торговали здесь всевозможными сувенирами, хватая потенциальных покупателей за локотки, и не выпускали из своих цепких щупалец до тех пор, пока те у них что-нибудь не покупали.

Леший покупательского интереса своим затрапезным видом у них не вызвал, поэтому он спокойно добрёл до середины пути и остановился у ладненского двухэтажного домика под номером «13». У этого дома торговцев сувенирами, игрушками и другими поделками собственного производства, а также художников, предлагающих написать ваш портрет за каких-нибудь полчаса и за мизерную оплату, не было. Создавалась такое впечатление, что они специально обошли этот домик стороной. Это несколько удивило Лешего, и он завертел головой, в поисках причины такого поведения. Разгадку он нашел у входной двери. На мемориальной доске, висевшей рядом на стене, он увидел барельеф с портретом, под которым крупными буквами было написано «Михаил Афанасьевич Булгаков».

– Жаль, что все, кого он описал в своём романе «Мастер и Маргарита» – плод писательской фантазии, – пожалел Леший, – а так бы я хотя бы у них узнал, как пройти в Лавру.

Он осмотрелся и увидел на противоположной стороне прямо на заборе нарисованное панно. Здесь был Воланд со своей свитой, Мастер, Маргарита и сам Автор. Леший вздохнул и пошёл дальше вниз. Пройдя два дома, он увидел ещё один знакомый образ. С вилкой в одной лапе и со стаканом во второй прилип к стене и на него глядел никто иной, как кот Бегемот. Правда, не живой, а медный. Леший улыбнулся и подошёл поближе:

– Привет, – сказал он, чтобы отдать дань уважения и коту, и автору, и бессмертному творению вообще, – как дела?

– А тебе какое дело? – вдруг услышал он и отшатнулся назад.

Медный кот с памятной доски, висящей на стене здания ресторана, наклонил к нему голову и свысока проговорил:

– Не шалю, никого не трогаю, примуса ремонтирую, а ко мне тут всякие с вопросами лезут.

Леший растерялся, но быстро взял себя в руки. Оглянулся: не видит ли кто эту «катавасию»?

Но никто не смотрел в их сторону, все занимались своими делами и не обращали никакого внимания на происходящее у ресторанной стены. Вели себя так, будто видели эту картину они в день по несколько раз или не видели её вообще.

– Бегемот, – обратился Леший к коту, вплотную приблизившись к памятной доске, – помощи, будь другом, по-родственному...

– Я с тобой, – перебил его Бегемот, – за одним столом не сидел, на брудершафт не пил, чтоб в друзьях-родственниках ходить.

И кот протянул ему свой медный стакан:

– Пей!

– Водка? – поинтересовался Леший.

– Обижаешь! – возмутился Бегемот, – чистый спирт! Другого не держим.

Леший взял из лап кота Бегемота стакан, выдохнул и принял горячую жидкость на грудь.

Оторвавшись от стакана, смачно крякнул и занюхал болтом, торчащим на вилке, услужливо протянутой Бегемотом.

– Вот теперь другое дело! – произнёс кот, – после первой и второй – перерывчик небольшой!

И он снова протянул ему полный стакан. Выпили. Закусили в этот раз рукавом.

– А теперь задавай свой вопрос? – предложил кот.

– Как мне пройти в Киево-Печерскую Лавру? – немного захмелев, спросил Леший.

– Проще простого, – ответил Бегемот, – сейчас выпьем ещё по одной, и я тебе всё расскажу.

Выпили ещё по одной.

– Как ты смотришь на продолжение банкета? – помурчал Бегемот.

– Мне достаточно! – покачал головой Леший.

– Как хочешь, а я выпью, – сказал кот и опорожнил, в который раз, свой стакан.

– Так как насчет Лавры? – нерешительно поинтересовался Леший.

– Всё очень просто, – начал объяснять Бегемот, – спускаешься вниз на Подол, там ловишь любое такси, говоришь водиле, куда тебе нужно ехать, и он тебя за две сотни гривен отвезёт хоть на край света.

И то, правда! Вот совет – всем советам совет! Но вернёмся в Лавру...

2

Киево-Печерская лавра

В пещеры они спустились вместе со всеми группами, которые сразу разделились на несколько маленьких группочек со своими экскурсоводами. Они затараторили заученные тексты на разных языках, рассказывая историю Лавры со дня её основания и до наших дней:

– ... А сейчас мы перейдём к месту, где должны покоиться мощи святого Ильи Муромца, – предложила экскурсовод, что очень устраивало бабу Ягу и Кикимору, – Настоящее имя нам неизвестно. Имя «Илья Муромец» он принял, когда постригся в монахи. Хотя доподлинно установлено, что он имел прозвище «Чоботок», что в переводе на русский язык означает «Сапог», потому что однажды отбивался от многочисленных врагов сапогом, так как другого оружия у него не было. И, конечно же, всех врагов победил!

– Такой нам подходит! – тихо шепнула на ухо Кикиморе баба Яга.

– Ага, – согласилась Кикимора и загадочно улыбнулась, – не терпится с ним познакомиться. Сапогом и всех победил! Богатырь!

– Вот мы и пришли! – объявила экскурсовод и указала на место, огороженное большими щитами, на которых висела табличка «Ремонт».

– А где же Муромец? – вырвалось у Кикиморы.

Туристы, ранее не обращавшие друг на друга внимания, повернулись на голос и обомлели. В темном проёме узкой пещеры стояла Кикимора, светящаяся мягким радиационным светом.

– Я столько ехала, чтобы поклониться мощам святого, а его нет?! – возмутилась она. Недовольно развела руки в стороны, ожидая объяснения. И в это время между ладонями пробежал яркий разряд молнии. Кикимора сама не ожидала такого от себя, поэтому с удивлением уставилась на свои руки.

– Пресвятая дева Мария, – вырвалось у бабы Яги, – что ты творишь?

Присутствующие в пещере люди пали ниц и блаженно перекрестились:

– Пресвятая дева Мария, – повторили они следом за Ягой.

– А я почему знаю, – испуганно ответила Кикимора, – оно само получается!

И снова в руках у неё пробежала молния. Кикимора быстро сжала кулачки и запрятала руки за спиной. И в этот момент, захлёбываясь от религиозного экстаза, экскурсовод заломила вверх руки и поползла вперед, причитая:

– Спаси и сохрани, матушка!

После шока, произведенного Кикиморой на окружающих, пришёл в себя мужик, рязанской наружности. Он повалился на землю, ухватил Кикимору за ноги и забасил:

– Правосла-авняя-я! Во-от она-а! Яви-илась нам де-ева непоро-очная-а! Аминь!

Все, как по команде, заголосили:

– Аминь!

И торжественно начали креститься и бить поклоны. Кикимора воспылала радостью и величием. Она ещё шире развела руки, желая обнять всех, кто пред ней преклонил колени. И снова в руках у неё вспыхнула яркая кратковременная молния, которая в этот раз, отскочив в сторону, ударила сначала в потолок, потом угодила в стенку, осыпав всех снопом сверкающих искр, и попала в проводку. Замигал свет и выключился, но пещера продолжала ярко освещаться энергией атомной электростанции, исходящей от Кикиморы. Баба Яга первой сообразила, что происходит, рванула к Кикочке, схватила её за руку и потащила прочь от оголтелой толпы.

– Так я и знала, что эти полянки под Киевом нам боком вылезут!

– Благослови, матушка, – закричала экскурсовод и побежала следом, – не покидай нас, сырых и убогих!

3

Оторваться от неё не удалось. На самом выходе она нагнала их и снова бухнулась на колени.

– Скажи, чтоб она поднялась, – зашептала Яга на ухо Кикиморе.

– Зачем? – спросила Кикимора, – мне это нравится. У меня с роду таких фанатов не было. Я, наверное, в Киеве свой «фан-клуб» открою...

– Если не скажешь, – ущипнула баба Яга её за бок, – тебя сейчас эти фанатики на сувениры разорвут.

Кикимора поёжилась от щипка, представив, как с ней могут обойтись фанаты, и выпалила экскурсоводу:

– Встань, красавица!

На что та, улыбнувшись улыбкой, давно покинутой вдовы, поднялась и, потупив взор, смиренно стала возле Кикиморы.

– Что я ей должна сказать? – тихонько спросила Кикимора у Яги.

– Где мощи Ильи Муромца? – шёпотом подсказала та.

– Где мощи Ильи Муромца? – повторила Кикочка.

– Не знаю, – пожала плечами гид, – только вчера их куда-то забрали.

– А кто знает? – продолжала шептать Яга.

– А кто знает? – повторила Кикочка.

– Настоятель знает, – как замороженная, отвечала экскурсовод, – он всё знает.

Яга снова схватила Кикимору за руку и потащила её в маленький дворик, в который они приземлились, оставив бедную женщину стоять посреди двора. Женщина снова упала на колени и протянула руки и Кикиморе.

– Благослови, матушка?

Кика повернулась к бабе Яге:

– Благословить?

Баба Яга махнула рукой.

– Давай. Иначе не отцепится.

Кикимора растерялась:

– А как?

– Я почём знаю? – Ответила ей Яга, – Ты же у нас «пресвятая», а не я.

Кикимора вздохнула, потёрла руки, положила одну из них на голову бедной женщины и одарила её коротким замыканием. От этого у гида волосы задымились и встали дыбом. А баба Яга и Кикимора, оставив бедную женщину стоять посреди двора, прошмыгнули во дворик.

4

– Кажись, здесь!

– Что здесь? – спросила Кикимора.

– Их административные здания, – ответила Яга.

Она прошла дальше по дворику и остановилась у двери, ведущую в низкое одноэтажное сооружение, подёргала её и дверь открылась.

– Пошли! – Позвала она Кикимору и вошла внутрь.

5

Со света в помещении была темень непроглядная, но постепенно у них начал вырисовываться длинный коридор с множеством дверей, одна из которых была приоткрыта, словно специально, чтобы пригласить этих не званых посетителей в чужой монастырь. Они заглянули туда.

За столом, уткнувшись в огромный гробсбук, восседал средней упитанности священник в черной рясе и что-то писал. Он был молод, и даже редкая поросль под носом, на бороде и щеках не прибавляла ему возраста.

– К вам можно, брат? – вошла в комнату баба Яга.

Он оторвался от книги и поднял на посетительниц глаза.

– Я вас слушаю, сестры мои?

– О! – обрадовалась Кикимора, – ещё один братец объявился.

– Нам нужен настоятель? – поспешила перебить её Яга.

– А его в обители нет! – Ответил монах, – он на переговорах между российской и украинской церквями.

– Значит, надолго застрял, – вздохнула баба Яга. А на немой вопрос монаха добавила:

– С зарубежной православной церковью быстрее договорились, чем с соседской.

– Может, я смогу вам чем-нибудь помочь? – спросил монах.

– Можете, – кивнула баба Яга, – не скажет ли нам брат, где мощи святого Ильи Муромца?

Монах вздохнул и поднялся из-за стола:

– Понимаете ли, сестры мои, не всегда верующие могут приехать к нам в Лавру, чтобы припасть к мощам святых, находящихся в наших ближних и дальних пещерах, поэтому мы иногда отправляем их в другие православные храмы, чтобы больше народа смогло лицезреть мощи святых. И сейчас по просьбе российских православных мы направили мощи Ильи Муромца в город Санкт-Петербург. Там они будут выставлены на всеобщее поклонение.

– В Санкт-Петербург? – переспросила баба Яга.

– Да, сестры мои. Покоиться будут они в часовне при известной клинике имени Кошеченко.

– Клинике Кощеенко? – в один голос ужаснулись Яга и Кикимора.

– Да, сестры мои, – спокойно продолжал инок, – где все хворые и несчастные смогут припасть к ним и исцелиться.

– И давно вы их отправили? – спросила Баба Яга.

– Сегодня с утра. – Ответил монах. – Езжайте в Питер, сёстры мои, ступайте в часовню и молитесь там на здоровье.

В этот момент в коридоре послышался шум и через мгновение в комнату влетел тот самый молодой монах, с которым баба Яга и Кикимора встретились в самом начале своих походов в Лавре:

– Что делать? – запыхавшись, он сел на стул, даже не заметив посетителей, – в ближних пещерах какие-то туристы засели и не хотят выходить. Говорят, что к ним явилась Пресвятая Дева, громы и молнии метала за грехи ихние. Теперь они до конца света в этих пещерах сидеть будут да грехи замаливать. Что делать, брат?

Пока второй монах переваривал всё то, что он сейчас услышал, почёсывая рано полысевший затылок, баба Яга и Кикимора незаметно ретировались из комнаты.

6

Уже на выходе из Лавры, у ворот они столкнулись с Лешим.

– Кру-гом! – скомандовала баба Яга и вместе с Кикиморой, не сбавляя темпа, промаршировали мимо него.

Он резко развернулся и потрусил за девочками.

А что же в Питере-граде? А в нем возникли некоторые проблемы.

7

Санкт-Петербург. Казарма взвода охраны.

– У нас возникли некоторые проблемы, товарищ генерал, – откозыряв, рапортовал командиру Евдокимов.

– Что за проблемы? – спокойно спросил генерал, зная, что все проблемы подчиненных заключаются исключительно в нём и больше не в ком другом, а всё остальное не проблемы, а так себе – проблемочки.

– В кране исчезла вода, – доложил Евдокимов, словно произошла всемирная трагедия.

– Ну и что? – спокойно изрёк генерал, – нужно было наносить её из другого места.

– Так и в другом месте тоже нет, – паниковал Евдокимов.

– Из третьего, – оборвал его командир.

– Пробовали. И там воды нет. Нигде нет. И в комнатах президентов нет. Во всем дворце нет, – чуть ли не плача, говорил Евдокимов.

– Как во всём Дворце нет?! – Вот тут-то заволновался и генерал.

– Все краны проверили – ни капли!

– Спокойно! – Откашлялся, нервно, генерал, – сейчас кому-то не поздоровиться.

И он решительным шагом направился к телефону:

– Соедините меня с «Водоканалом».

Он недовольно попыхтел в трубку, а затем громко и четко произнёс:

– «Водоканал»? Это вас беспокоит командир спецотряда по охране первых лиц государства генерал Платов. Вы хотите иметь большие неприятности и прямо сейчас?

– Нет! – Ответили ему из трубки, – а в чём собственно дело?

Генерал строго посмотрел на трубку, откашлялся и продолжил:

– Почему отключено водоснабжение Константиновского Дворца? Вы что, не знаете, что здесь будет проходить? Хотя это и является государственной тайной, но все об этом знают. И вы должны знать. Приказываю немедленно включить воду!

– А мы её не отключали, – сообщили из трубки.

– Как не отключали? – удивился генерал, – а куда же она далась?

– Вот этого я вам не скажу, – вздохнули в трубке, – может быть у вас утечка?

– Евдокимов, – повернулся генерал к дежурному, – проверяли?

– Так точно, – сразу же отрапортовал Евдокимов, – никаких утечек нет.

– Вы слышали? – спросил генерал трубку.

– Слышали, – вздохнули в трубке, – нужно разбираться на месте.

– Так разбирайтесь! – Приказал генерал.

– Сейчас пришлём мастера.

– А это уже другой разговор, – одобрил генерал, – только чтоб мастер был первый класс.

– Других не держим, – ответили в трубке, а потом с надеждой спросили, – а воды точно нет? У меня по датчикам – всё в порядке. И подача, и потребление.

– А у меня здесь в кранах ни подачи, ни потребления!

– Тогда ждите специалиста.

– Жду! – сказал генерал и положил трубку на аппарат.

И тут же за спиной услышал, как с грохотом отворилась входная дверь. Он недовольно повернулся в надежде выплеснуть накопившуюся желчь на первого, попавшегося под руку, виноватого, но увидел в дверном проёме широко улыбающуюся довольную рожу Водяного.

– Сантехника вызывали? – спросил Водяной и ещё шире растянул свой рот в обворожительной улыбке.

8

Санкт-Петербург. Частная клиника

Возле парадного входа в здание платной клиники имени Кошеенко притормозила машина «Скорой медицинской помощи». Два санитара, очень напоминающих: «водилу» в Магадане, почтальона, принесшего телеграмму коту и врача-стоматолога, вставлявшего зубы Соловью-разбойнику, выскочили из машины, открыли задние двери и вытащили носилки, на которых лежало, накрытое белой простыней, тело. Командовал процессией сам Соловей-разбойник. Он оглянулся по сторонам и кивнул санитарам. Последние подхватили носилки и легко потащили их через приёмный покой к лифту.

9

За всем этим из-за угла наблюдали домовый Кузя и кот Баюн, приехавшие вслед за «Скорой» на такси.

– Я пошёл, – сказал кот и помчался догонять странную бригаду медбратьев, – Кузя, догоняй!

– Я следом! – произнёс домовый вдогонку и, не спеша, направился к зданию.

10

Как только за ними закрылись двери лифта, тело на носилках зашевелилось, приподнялось и село, опустив ноги вниз. Это был тот самый агент с золотой фиксой, которого встречал

в аэропорту Соловей-разбойник. Он сбросил с себя белую простынь и поправил съехавший в сторону длинный красный шарф.

11

Лифт шёл вниз. Кот, тяжело дыша, спускался по лестнице. Домовой, пройдя через фойе приёмного покоя, остановился у лифта и проследил по загорающимся по очереди лампочкам, путь следования лифта.

Лифт остановился в подвале. Отметив про себя этот факт, Домовой оглянулся. Он искал какой-нибудь ларёк или лавку, в которой торговали бы продуктами питания. Нашел и направился в ту сторону. Это был ларёк, который для прибывших больных, кроме газет и журналов, торговал ещё водой, чипсами и всяким другим полуфабрикатным кормом. Есть эту, так называемую еду, опасно. Все это прекрасно понимали: и покупатели, и продавцы, поэтому товар, лежащий на витрине, со временем ещё больше засох, упаковка, в которой он хранился, ещё больше выгорела на свету. Узнать: кто его изготовил? и когда последний срок реализации? не представлялось возможности. Поэтому он спокойно продолжал валяться до первой генеральной уборки, которую проведут, когда будут демонтировать эту торговую точку. Вот сюда и направился Домовой.

12

Киев. Вокзал «Киев-пассажирский»

К вокзалу баба Яга, Леший и Кикимора приехали на такси.

13

Дежурный по вокзалу, к которому они завалились всей честной компанией, на своём рабочем месте отсутствовал. Очередь в «Справочную» доходила до середины зала и насчитывала три десятка человек. В кассы – так же. Создавалось такое впечатление, что именно сегодня, под Новый год всё население Киева решило покинуть столицу Украины.

– Пока мы здесь будем дожидаться своей очереди, – сказала баба Яга, – его скоренько погрузят и увезут.

– Да-а! – согласился Леший, – Вавилонское столпотворение!

– Нужно что-нибудь придумать.

– Сейчас! – кивнул в знак согласия Леший и, подхватив Кикимору под руки, заорал, – Граждане-товарищи, войдите в положение!

И потащил её, выставив вперёд, как таран, сквозь сплошной заслон людей к окошку «Справочной службы». Она не ожидала от Лешего такого, испуганно, схватилась за первого, попавшего под руки, мужика и громко заорала:

– Спасите! Куда он меня тащит?

– В «Справочное» – прошипел ей на ухо Леший, – давай помогай, ты ж – артистка!

На этот раз она быстро поняла, что от неё требуется. Она оттолкнула мужика, которого до этого крепко держала за ворот и закричала:

– Да! Войдите в моё положение!

– Тут женщина в положении... – продолжал Леший.

– Тут женщина в положении... – вторила ему Кикимора, – Какая женщина в положении?

– Ты! – зашипел на неё Леший.

– Я?

- Да!
- А в каком я положении? – остановилась, как вкопанная, Кикимора.
- В интересном положении, – занервничал Леший, – беременная, значит!
- Кто беременная?
- Ты беременная?
- Я беременная? – испугалась Кикимора.
- Ты! Понарошку, дура!
- Да?
- Да!
- Правильно! Я – беременная! Мог бы раньше мне намекнуть. Граждане, войдите в моё положение!
- Помогите женщине! – жалобно заговорил Леший.
- Пропустите женщину вперед, – вступился за них мужчина с портфелем, – Ей тяжело в очереди стоять!
- Ещё чего? – Возразила женщина в возрасте, – пропустить надумал. Они не думают, когда беременеют, а ты потом за них отдувайся!
- И как же вы за неё отдуваться будете? – Спросила у неё девушка с сумкой.
- А это не твоё дело! – повернулась к ней женщина в возрасте, – Нарожают без спросу, а потом не знают, что с ними делать!
- А природа подскажет! – парировала выпад девушка с сумкой.
- Пока она подсказывать будет, – не сдавалась женщина в возрасте, – ты от голода зубы на полку положишь. Сначала добейтесь чего-нибудь в жизни, а потом рожайте.
- А может быть, рожать и есть ее призвание? – снова вступился мужчина с портфелем, – Может быть это то, единственное, чего она хочет добиться в жизни?
- Ой, не смешите меня! – не сдавалась женщина в возрасте, – Им не дети нравятся, а сам процесс доставляет огромное удовольствие. И не задумываются над тем, что дальше будет.
- А дальше вырастают такими, как вы и людям жизнь портят! – в сердцах произнёс мужчина с портфелем, – Пропустите женщину вперед!
- Но женщина в возрасте стояла у окошка «Справочного бюро, как несокрушимая скала:
- И не подумаю. Знала, что делала, вот пусть теперь мучается, как все!
- Вам не стыдно? – поинтересовалась у неё девушка без сумки.
- Не стыдно! – ответила женщина в возрасте.
- Вы же сама женщина! – удивилась девушка без сумки.
- Была когда-то, а сейчас забыла! – поставила точку в разговоре женщина в возрасте и отвернулась от всех.
- Кто же вас так обидел? – тихо спросила девушка без сумки, не надеясь получить ответ. Но женщина в возрасте медленно повернулась к нему и медленно произнесла:
- Вот такие, как ты и обидели. Чего вы все ко мне привязались? Я вам что? Пугало какое-то? Спокойно стою в очереди, а они пристали! Обзывать начали.
- Кто вас обзывал? – не выдержал мужчина с портфелем.
- Вы все! – обиженно поджала губы женщина в возрасте.
- Как? – удивились все.
- Сами знаете: как! – продолжила она, – «Женщиной!» Я вам не женщина! Я вам «Гражданка!» Хотите пропустить вперед эту несчастную – пропускайте! А я не буду!
- Да! – горько запричитала Кикимора, – помогите несчастной! Я даже не знала, что беременная! А вы знаете, какой это удар, когда вы не знаете, а вам сообщают такое.
- Пройдёте, граждане побирающиеся, – услышали они и почувствовали, как чьи-то цепкие руки сковали их движения.
- Они оглянулись и увидели рядом с собою двух широкоплечих милиционеров.

– Если вы просите помощи, – улыбнулся один из них, длинный и худой.
– Мы её сейчас для вас организуем по высшему разряду, – улыбнулся низкий и толстый.
Ох, сомневаюсь я, однако, что они помогут! Но ничего не поделаешь, сюжет не переделаешь!

14

Санкт-Петербург. Частная клиника

Соловей-разбойник сидел в кресле, раскрыв рот.

– Можешь расслабиться, Соловушка, – сказал ему Кощей, – Всё уже закончилось!

Соловей закрыл рот, поднялся с кресла, потянулся и удовлетворённо улыбнулся.

– Спасибо, Кошенька! – удовлетворённо улыбнулся Соловей-разбойник вставленными зубам, – Красота!

– Ты не меня, а Артура Эдуардовича благодари. Это его стараниями ты такую красоту теперь имеешь, – отмахнулся польщенный похвалой Кощей.

Соловей повернулся к доктору и поклонился в пояс:

– Спасибо, доктор.

Артур Эдуардович тоже был доволен своей работой, но в отличие от своего шефа, принял благодарность с достоинством падишаха:

– Носи на здоровье! Сто лет выдержат!

Доктор выставил перед Соловьём-разбойником зеркало. Разбойник оголил новые зубы, которые заблестели от света ослепляющей белизной. Соловей был счастлив.

– А чего так мало? Всего сто лет?

– А потом новые вставим.

– Тогда другое дело.

Соловей-разбойник отстранил зеркало в сторону, размял губы, потёр руки и направил в рот пальцы:

– Сейчас свисну!

Кощей отскочил от него, будто его ошпарили. Замахал руками:

– Нет! Ни в коем случае, Соловей! Ещё не время. Я тебе скажу, когда можно будет проявить твои соловьиные таланты. А пока не надо.

Соловей вздохнул и жалобно посмотрел на Кощю:

– Я так давно не свистел, Кошенька. Разреши, хоть в пол силушки?

Но Кощей, зная, что может произойти, был неумолим.

– Соловушка, ты же знаешь, что от твоей пол силушки, пол поликлиники разнесёт. Лучше в другой раз, друг ты мой сердечный.

Соловей застонал, а потом тяжело выдохнул.

– Вот так всегда. «В другой раз!», «В другой раз!», а когда этот «раз» наступит, неизвестно.

– Но за то, какие у тебя зубы! – подбодрил его Кощей, – Ты улыбайся лучше! У тебя улыбка, как у Бреда Пита!

– Как у кого? – не понял Соловей-разбойник.

– Бреда Пита, – повторил для него Кощей.

– А это кто?

Кощей Бессмертный понял, что Соловей-разбойник ничего не знает о новинках кино, вздохнул, и попытался объяснить ему, что представляет собой этот голливудский актёр:

– Секс-символ Америки.

Соловей-разбойник, обиженно, засопел.

– Что ты обзываешься? Я же тебя не называю «символом»!

Кощей ещё раз вздохнул:

– Соловушка, я не хотел тебя обидеть. А «секс-символ» – это даже очень хорошо.

Но Соловей-разбойник был против. Он недовольно замотал головой:

– Не хочу я быть секс-символом.

– Вот и отлично! – согласился Кощей, – Не хочешь – и не надо! Идём тогда гостя заморского принимать.

Они вышли в коридор и сели в лифт.

15

Вышли из него в подвале. Пройдя немного по коридору, вошли в одну из тяжелых кованых дверей.

16

Домовой обошёл ларёк, осматривая пол вокруг него. У двери остановился. Улыбнулся. Порылся в карманах. Вытащил из них маленькие крупинки сахара. Наклонился, просыпал их на пол и тихонько посвистел. Ждал он немного. Из щели между дверью и дверным косяком, шевеля длинными усиками, выполз таракан. Таракан был колерованный, откормленный. Настоящий «прусак».

– Привет, – сказал ему домовой, – нужна помощь.

Таракан пошевелил усами из стороны в сторону.

– Для начала нужно выяснить, где разместилась эта компания, которая только что прибыла в клинику.

Таракан снова пошевелил усами в этот раз сверху вниз.

– Ага, – кивнул домовой, – ты их хорошо знаешь. Ну и отлично!

Таракан ещё раз пошевелил усами, но в этот раз по кругу и вернулся в ларёк. Домовой выровнялся, но продолжал следить за щелью. Не прошло и минуты, как из неё снова вылез тот же таракан. На этот раз он не остановился, а продолжил передвигаться по фойе в сторону лестницы. Следом за ним, цепочкой, двигались его усатые братья. Домовой помахал им ручкой и сам пошёл следом за ними. А они всё шли и шли. И было их десятка два, нет, три! Да, куда там, больше! Сотни!

А вот и нашим подмога прибыла. Хоть маленькая, но удаленькая! Сами знаете: если таракан захочет кого-либо достать, достанет так, что мало не покажется.

17

– Извините, что принимаю вас в подвале, – произнёс Кощей, пожимая руку агенту, – но здесь безопаснее. С некоторого времени нам нужно опасаться неожиданных гостей, которые могут помешать осуществить задуманное нами.

Некрашенный облезлый свод низко навис над ними и давил всей своей массой. Голоса звучали гулко, отбиваясь от стен, возвращались эхом к говорившим.

Кроме Кощея и агента на встрече присутствовали ещё трое: двое из ларца и Соловей-разбойник.

Молодцы дружелюбно улыбались и подобострастно смотрели на Кощея, стараясь уловить в его движениях любой намёк на самое безумное желание и тут же выполнить его.

В отличие от них Соловей-разбойник был пасмурным и на Кощея вообще не смотрел. На гостя, изредка, бросал недоверчивые ревнивые взгляды.

– Разрешите представить вам уважаемых в нашем сказочном мире персон, которые присутствуют на нашей сегодняшней закрытой встрече, – продолжал Кощей, – знакомьтесь: это – двое из ларца развесёлых молодца. Выполнят любое ваше желание, если им хорошенько объяснить и заплатить.

Два великана прогнулись перед агентом, а один, подхватив его руку, затряс в рукопожатии и облобызал.

– Hello! – поприветствовал их агент, брезгливо высвободив свою заслуженную руку.

– А это ваш старый знакомый – Соловей-разбойник. Легендарная личность. Очень почтенный в своём разбойничьем мире разбойник.

– О! Я знаю! – Закивал агент. – Таких называть в шайках: «Авторитет». Is it correct? Это правильно?

– Шайки в банях, – пробурчал Соловей-разбойник, хотя по внешнему виду было заметно, что разговор ему нравится, – а у нас банды.

– Наш Соловей-разбойник выше «авторитетов», – произнёс Кощей, набивая цену и себе и своей команде в лице заезжего гастролёра.

– Неужели, «вор в законе»? – поразился агент и с уважением посмотрел на Соловья-разбойника.

Тот засмутился и зашаркал ножкой.

– Ну, где-то так, – согласился Кощей, довольный произведенным эффектом, – а как нам величать вас?

– My name is... Меня зовут Агент Два-нуля-Хрюк! – торжественно произнёс тот.

– А почему: «Хрюк»? – вежливо спросил Кощей.

– I am afraid, К-сожалению, это я сам поменял себе имя, потому что, когда я говорю: «Два-нуля-Сри» все, почему-то, начинают громко смеяться.

И в этот момент он услышал гомерический хохот двоих из ларца.

– Как-как? – сквозь смех говорили они и утирали слёзы, выступившие на глазах.

Он осуждающе посмотрел на них и с укором повернулся к Кощей, чтобы тот успокоил своих подопечных, но увидел, что и Кощей беззвучно содрогался от смеха. Не смеялся только Соловей-разбойник. Вертел головой, стараясь понять, что явилось причиной такого веселья, но никак не мог понять. Поэтому развёл руки перед агентом.

– «Сри» так «Сри»! Мне-то что? Какая разница? А «Хрюк» мне тоже нравится.

– Вот видите, – с обидой в голосе произнёс Два-нуля-Хрюк и тяжело вздохнул, – но зато в борьбе против врагов мне нет равных.

Все мигом замолкли и с удивлением посмотрели на агента, но засмеялся теперь Соловей-разбойник.

– Почему он смеётся? – спросил агент.

– Он вам не верит, – объяснил поведение Соловья Кощей, – вот потому и смеётся.

– That's too bad! О, как жаль! Я сейчас докажу! – сказал Два-нуля-Хрюк.

– Хватит балаболить, Хрюша, – иронично произнёс Разбойник, раскрыв свой рот, в котором уже сверкали свеж вставленные белоснежные зубы, – очень хочется посмотреть на твой первый класс! Покажешь нам его?

– И покажу!

– И покажи!

Агент положил перед собой на пол чемоданчик из крокодиловой кожи, который всё время таскал за собой, открыл и вынул из него завернутый в обёрточную бумагу объёмный пакет:

– Смотрите!

– Смотрим! – кивнул Соловей-разбойник.

Агент таинственно разорвал бумагу и вынул из пакета... обыкновенный красный кирпич.

– Кирпич? – удивились все.

– Yes!

Стал в стойку и со всей силы опустил его себе на голову. Кирпич с гулким грохотом раскололся на две части.

– Вот! – Гордо наклонил голову агент на всеобщее обозрение, – Don't be nervous! Не нужно нервничать! Нервных прошу покинуть помещение!

– Тю! – Пожал плечами Соловей разбойник, медленно подошел к агенту, наклонился, поднял с пола половинки кирпичей, вернулся на своё место. Передал половинки молодцам, которые стали стеной за его спиной. Они взяли обломки и во все глаза уставились на разбойника, ожидая его команды. Соловей-разбойник стал в стойку.

– Алле ап! – сказал он и хлопнул в ладоши.

Два великана кивнули и с аппетитом начали поглощать остатки кирпича, тщательно пережёвывая каждый кусочек. У агента глаза от удивления полезли на лоб.

– Oh dear what a mess! О боже, какой кошмар!

18

Санкт-Петербург. Казарма взвода охраны

– Оперативненько, – хмыкнул генерал, – ценю. Проходите, товарищ сантехнический работник.

Он подошел к Водяному и, по-дружески положив руку на плечо, повел его к умывальнику.

– Вот, дорогой товарищ сантехнический работник, – указал он на кран, – как не крутили его, как не вертели его, а вода – не идет. Что делать будем?

– Сначала вертеть и крутить, – ответил Водяной, – а потом, если воды не будет, крутить и вертеть, чтобы пошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.